

© 2005 г. К.Г. КРАСУХИН

АСПЕКТЫ И ВРЕМЕНА ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ГЛАГОЛА (ЧАСТЬ I)

Светлой памяти Адольфа Эрхарта (1926–2003)

В статье исследуются морфологические способы выражения аспектов и времен в праиндоевропейском глаголе. Вопрос о взаимоотношении этих категорий однозначно не решен: одни ученые считают, что формирование аспектуальных оппозиций (длительность/недлительность, завершенность/незавершенность) предшествовало появлению временных граммем, другие же утверждают, что время – это исконная общеиндоевропейская категория, а аспект развился в предыстории отдельных языков. Автор рассматривает все морфемы, выполнявшие аспектуальную функцию в индоевропейском, и приходит к следующим выводам: 1) Все они указывают на видоизменение протекания события, обозначаемого глаголом, но у них нет жесткой связи с определенным аспектным значением; 2) Большинство глагольных аспектуальных аффиксов находит параллель в именных; 3) Вся их система показывает, что в праиндоевропейском существовала категория образа действия (нем. *Aktionsart*), которая еще не была тесно связана со временем. Развита категория аспекта появляется там, где различные способы действия закрепляются за определенными временами (совершенный вид – за претеритом).

0. Проблема аспектов и времен в праиндоевропейском языковом состоянии относится к числу наиболее сложно разрешаемых. Дело в том, что в данном случае, в отличие от других грамматических подсистем, у нас нет полной уверенности в наличии самого предмета для реконструкции. Никто не сомневается в наличии праиндоевропейской системы залогов или падежей; существование же аспектуальной оппозиции в тот же период у многих ученых вызывает сомнение. С одной стороны, во многих архаических языках (древнеиндийском, древнегреческом, латыни, церковнославянском, древнеирландском) существует довольно сложная система аспектов и времен, причем формы с определенными функциями (например, сигматические аористы) нередко обнаруживают формальную и семантическую близость, свидетельствующую об общем происхождении (ср. др.-инд. форму 1 л. ед. ч. *avākṣat* = ц.-слав. *вѣсь* “я вез”, др.-инд. 3 л. *vakṣat* = лат. *vexit*). Важным аргументом в пользу архаичности аспекта является то обстоятельство, что неличные формы различных времен (причастия, инфинитивы), а также императив выражают отнюдь не временные, а аспектные значения (не предшествование/одновременность/следование, а завершенность/незавершенность/намерение). С другой стороны, в самых древних по времени фиксации индоевропейских языках – анатолийских – временная система глагола очень проста: презенс и претерит¹. Но и в других языках грам-

¹ Из этого не следует, что в анатолийских языках нет аспектов. Хеттский глагольный суффикс *-sk-* (лувийск. *-ss-*) придает корню значение повторяющегося действия (итеративности) [Bechtel 1936; Dressler 1968]; правда, реальная картина сложнее (см. из последних работ [Сидельцев 1999]). Суффикс *-ēs-* в хеттском придает глаголам (как правило, деадъективным) значение достигнутого состояния (*idalus* “злой” – *idalueszi* “гневаться”), простой суффикс *-ē-* имеет стативное значение [Watkins 1973]. Суффиксы *-nu-* и *-nin-* в хеттском языке каузативны (ср. *artari* “стоять” – *arnuzi* “поднимать”, *harakzi* “умирать” – *harnikzi* “убивать”), но они восходят к общеиндоевропейским суффиксам, образующим презенс (ср. др.-инд. *ṛnoti*, греч. ὄρνυμι “поднимать”). Таким образом, зачатки аспектуальной системы в хеттском есть, но в цельную грамматическую подсистему они не складываются. Являются ли они следами праиндоевропейской парадигмы, пока не до конца ясно.

матические времена не всегда выражают аспектуальные функции. Так, О. Семереньи [Szemerényi 1986] и Р. Шмитт-Брандт [Schmitt-Brandt 1987], анализируя систему глагола в различных индоевропейских языках, пришли к выводу о том, что аспектуальные оппозиции имеются только в славянских и древнегреческом языках. Однако этот вывод представляется слишком категоричным. Так, перфект в латыни некоторыми нюансами в своем значении отличается от славянского прошедшего времени совершенного вида, но в целом эти категории близки: обе они означают, что действие завершено к какому-то моменту. Затем на базе завершенных времен развиваются значения актуального действия (действие переднего плана), а на базе незавершенных – значения действия заднего плана, как это произошло в романских языках [Weinrich 1964; Красухин 2000]. С точки зрения одних исследователей, это и есть основная линия развития аспектно-временной системы в индоевропейских языках – от чисто аспектуальной системы оппозиций к чисто временной. Другие же считают аспект новшеством греческого и славянских языков [Drinka 1999].

0.1. Попробуем взглянуть на этот вопрос с несколько иной стороны: какие именно глагольные формы можно считать аспектуальными, и что они могли обозначать? В индоиранском и древнегреческом противопоставлены три глагольные основы: презенс, аорист и перфект. В других языках презенсу противостоит единая категория претерита, в котором слились древние аорист и перфект. Но согласно давней и устойчивой традиции, самая архаическая оппозиция разделяет презенс и аорист, с одной стороны, и перфект – с другой. В основе первых двух категорий лежал “примитив”, или древнейшая агентивная форма, в основе второй – статив [Schwyzer 1939: 591]. По-видимому, первичный стативный глагол был не собственно глаголом, а рассогласованным прилагательным, отглагольным наречием [Kuryłowicz 1964; Степанов 1989]; аргументацию этого положения с указанием на реальные следы такого наречия см. [Красухин 2004]. Поэтому первичный перфект стоял вне временных оппозиций. Его противопоставление “примитиву” носило не столько аспектуальный, сколько диатезный характер. Действие немислимо без понятия о времени, поэтому в “примитиве” явно противопоставлялись презенс и претерит². Разделение “примитива” на презенс и аорист – явно более позднее явление.

0.2. Закономерен и такой вопрос: чем различаются презенс и аорист? Не вдаваясь в тонкости семантического описания (они будут рассмотрены нами позже), приведем определение А. Мейе: презенс – это основа глагола, способная соединяться как с первичными, так и со вторичными окончаниями, аорист допускает при себе только вторичные окончания [Meillet 1908: 81]³. Из этого определения выводится следующее: 1) аспектуальная оппозиция вторична по отношению к временной; 2) образование аориста – процесс, который мог протекать по-разному в различных глагольных корнях; единообразного способа здесь не может быть. Правда, на статус общеиндоевропейского претендует сигматический суффикс. Однако, по мнению Мейе, он явно вторичен по происхождению. Обосновывается это следующим. Во-первых, сигматический суффикс не принимает участие в вокалических альтернативах (этот суффикс представлен по сути только вариантом *-s-*, тогда как остальные индоевропейские суффиксы, как правило,

² Древнейшим грамматическим способом этого противопоставления служило, по-видимому, наличие/отсутствие дейктической частицы **i*, родственной указательному местоимению **ei-/i-* и обозначающей *hic et nunc*. Есть все основания предполагать, что в такой оппозиции морфологически и семантически маркированным был именно презенс. Непрезентное же время обозначало не прошлое, а лишь указывало на то, что некое событие произошло. В ведическом и авестийском осталась пережиточная форма именно с таким значением – инъянктив, т.е. глагол без аугмента и презентной частицы. Как показал К. Хофман в своей обобщающей работе, инъянктив обозначал воспоминание (Erwähnung) о событии [Hoffmann 1967: 351].

³ “On nomme présent un thème, qui, à l’indicatif, admet à la fois les désinences primaires et les désinences secondaires, ainsi *λείπω, ἔλειπον*; on nomme aoriste un thème, qui à l’indicatif n’admet que les désinences secondaires, ainsi *ἔλιπον* [Meillet 1908: 81].

имеют варианты с полной ступенью вокализма: ср. назальный суффикс **-neC-/nC*, где под *C* подразумевается согласный, сонорный или ларингал). Во-вторых, наличествующие в аористе чередования гласных (например, в оппозиции актива и медия) касаются только преаффиксальных частей основы [*ayān* < **ayam-s-i* “он простер (руки)” – *ayamsta* то же]. В-третьих, сигматический аорист крайне неравномерно распространен в индоевропейских языках: он представлен в греческом, индоиранском и славянских языках; его следы известны в латыни, но отсутствуют в оскско-умбромском и балтийских. Иными словами, распространение сигматического аориста никак не связано с диалектным членением индоевропейской языковой общности. По мнению Мейе, сигматический суффикс – это не что иное, как глайд, возникший вначале на стыке согласных. Подтверждением этого, по его мнению, может служить то, что в форме 1 л. медия в древнеиндийском аористе часто появляется сигматический суффикс, отсутствующий в активе: *āvidat* “он нашел” – *āvitsi*, *ādiśat* “он указал” – *ādikṣi*, *ānijat* “он умыл (ся)” – *ānikṣi* и т.д.

Справедливости ради следует отметить, что не все аргументы А. Мейе получили всеобщее признание. Так, Ф.Б.И. Кёйпер показал, что сигматический аффикс был свойствен не только аористу, но и презенсу [Kuiper 1934]. При формировании глагольной основы могла произойти переогласовка вокализма: **ter-* “двигать (ся)” + **-és-* > презентный корень **trés-* “трясти (сь), дрожать” (др.-инд. *trasate*) → аористный корень **tér-s-* (греч. ἔτερσεν ἑφοῖρσεν: Гезихий). Что же касается распространения сигматического аориста в различных индоевропейских языках, то следует учесть, что в оскско-умбромском и балтийских языках имеется сигматический футурум⁴. Кроме того, в литовском языке постулируются следы сигматического аориста: так, сопоставление слав. *вѣсь* и лит. *vėdė* выявляет такую важную общую черту этой категории, как удлинение корневого гласного. Это можно объяснить общим процессом заменительного удлинения: и.-с. **ued-* + *-s-* > **ueds-* > **uēs* (славянские языки); **uēts-* / **uēs* > **uēdē* (балтийские языки, с заменой сигматического суффикса и восстановлением последнего согласного под влиянием презенса [Степанов 1989: 251]). Подобно славянским сигматическим аористам, балтийские претериты с долготой корневого гласного и суффиксом **-ē-* образовывались от переходных глаголов в оппозиции непереходным с суффиксом **-ā-*. Ср. лит. *kėlė* “он поднял” – *kilo* “(ветер) поднялся”, *bėrė* “он насыпал” – *biro* “(горох) просыпался”, слав. *блѣуць* “я увидел” – *бѣде* “он проснулся” и т.д.⁵ Таким образом, ареал сигматического аориста мог быть шире в доисторические времена. Но, к примеру, в анатолийских языках следов сигматического аориста нет. Происхождение сигматического аффикса многие исследователи также описывали иначе, чем А. Мейе. П. Кречмер [Kretschmer 1949] полагал, что сигматический аорист был показателем переходности действия (ср. греч. ἔστησα “я поставил” – ἔστην “я встал”, ἔβρισκα “я отправил” – ἔβην “я пошел”). По мнению же К. Уоткинса, сигматический суффикс есть не что иное, как распространившаяся на всю парадигму форма 3 л. ед. ч. Флексия 3 л. ед. ч. *-s* представлена в анатолийском претерите

⁴ Интересно, что в славянских языках широко представлен сигматический аорист, но отсутствует соответствующий футурум (единственный след – церк.-слав. причастие *быѣшѹще*, параллельно лит. *būsiąs*, др.-инд. *bhaviṣyant-*). Напротив, в балтийских языках нет сигматического аориста, но есть футурум [Откупщиков 1967: гл. 3].

⁵ Приведенная реконструкция Ю. С. Степанова, на наш взгляд, очень удачно объясняет долготу балтийского претерита. Хр. Станг [Stang 1942: 191–192] отмечает, что эта черта может быть объяснена из разных источников: влияние корней с исконно долгой гласной, образующих корневой аорист (**dhē-* > лит. *dėjo*, **stā-* > *stójo* и т. д.), влиянием перфекта типа др.-инд. *āsa*, греч. ἦε “он был”. Вместе с тем долгота может развиться и в презентных основах (лит. *sėrgmi* “я слежу”, *sėda* “он сидит”); многие долготы в претеритах относятся явно к позднему периоду, так как имеют циркумфлексную интонацию. Дополнительный источник долготы, указанный Ю.С. Степановым, выглядит убедительно именно потому, что он опирается на системно-функциональные характеристики данных претеритов. Что же касается удлинения гласного в презенсе, то ему посвящена большая литература [Narten 1968; LIV 2001]. Мои соображения изложены в [Красухин 1998; 2004: Приложение 2].

спряжения на *-hi* (хет. *dās* “он взял”, *dais* “он положил”), древнеперсидском имперфекте (*akunaus* “он сделал”), в некоторых ведических корневых аористах (*áprās* “он наполнил”). Таким образом, сигматический суффикс может претендовать на статус общиндоевропейского.

1. Однако не всякий общиндоевропейский формант должен быть непременно архаичным. В настоящее время лингвистическая реконструкция позволяет установить различные временные пласты в праязыковом состоянии. По данным К. Бругмана [Brugmann 1892], в праиндоевропейском языковом состоянии насчитывалось 32 класса презенсов. Перечислим их, по возможности комментируя. 1) Атематический презенс (типа **ésti* “быть”). 2) Тематический презенс (с двумя подклассами: ударный корень с полной ступенью вокализма – тип др.-инд. *bhárati*; ударная тематическая гласная, 0 ступень корневого вокализма – тип, который сам Бругман называет *sphuráti*, в современной же лингвистике принято наименование *tudáti*). 3) Атематический презенс с редупликацией (тип др.-инд. III класса – *bibhēti* “бояться”). 4) Тематические глаголы с редупликацией и редупликационным слогом на *i/u*: сюда Бругман относит варианты класса 3: др.-инд. *abibhayaṇta* (медий, 3 л. мн. ч. от *bibheti*), *atitarat* – имперфект от *titarti* “достигать”). Аналогичные глаголы с нулевой ступенью корня: и.-е. **si-sd-* “сажать; садиться” (др.-инд. *sīdāti*, греч. ἵζω, лат. *sido*). 5) Атематические глаголы с редуплицирующим слогом на *-e-* (др.-инд. *bābhasti* “ударять”). 6) Аналогичные тематические глаголы. Сюда Бругман, вопреки заявленным принципам классификации, относит тематические аористы типа греч. ἔτεφνον “я убил”, ἐσλόμην “я последовал”, а также др.-инд. вторичные глагольные формы типа причастия *jaghñant-* и т.д. Наличие подобного презенса в общиндоевропейском вызывает сомнения. 7) Глаголы с редупликацией целого корня: др.-инд. *carkarmi* “размышлять”, *dardarṣi* “разбивать”. Это – интенсивы, не выходящие за пределы древнеиндийского. Формы типа ἦνευκον “я принес” суть аористы, а приведенное Бругманом ἦνευκα – поздняя форма, образованная по аналогии с сигматическими аористами. 8) Аналогичные тематические глаголы. Здесь Бругман упоминает только интенсивы и некоторые аористы в древнегреческом (ἦρχον) и армянском (арм. *arnel* – презенс *arnem* “делать”). 9) Глаголы с гласным *i* (< *ə) в конце корня: др.-инд. *rodīti* “плакать”, *bravīti* “говорить”, греч. ἠύχομαι “любить” (если это не семитское заимствование!), κρέμομαι “висеть”. Этот класс, в отличие от предыдущих, действительно относится к праиндоевропейским. У него ларингальный детерминатив, а в остальном он принципиально не отличается от класса 1.

1.1. Десятый и одиннадцатый классы глаголов – это глаголы с ауслаутом корня на долгий гласный. Верный своему принципу, Бругман записывает в них и аористы. Так, к 10 классу относятся как презенсы типа лат. I спряжения (*forāre* = др.-в.-нем. *borōn* “сверлить”), презенсы с корневой долгой гласной (др.-инд. *dhyāti* “думать”, где исконность **-ā-* подтверждается соответствием в греч. дор. δῶμαι), так и аористы ἔδραον “я победил”, и даже древнегреческие пассивно-стативные аористы на *-η-*. В класс 11 входят редулицированные глаголы типа др.-инд. *jigāti* = греч. βίβημι “идти”. Они отличаются от бругмановского третьего класса только качеством гласного в редулицирующем слоге.

1.2. Классы 12–18 – назальные презенсы. 12 класс – соответствие др.-инд. IX классу глаголов (с чередованием *-nā-/l-nī-* < **-neā-/l-nā-*): *krināti* = греч. πέρνυμι “покупать”. В 13 класс входят тематизированные назальные презенсы (суффикс **-no-*) типа лат. *sterno* (ср. др.-инд. *stṛnāti*), греч. πίτνω “падать” и т.д. Вообще, этот класс совершенно не производит впечатления древнего. Похоже, что в него включены основы, являющиеся результатом позднейшей тематизации. Так, в латинском языке совершенно не сохранились атематические назальные глаголы; в греческом, наряду с поздним и малораспространенным πίτνω присутствует архаическое πίτνυμι. То же можно сказать и о бругмановском классе 14 – греческих глаголах на *-άνω, -άινω* < **n-n-/n-ni-*, др.-инд. *iṣanyāti* “двигать, толкать”. Классы 15–16 содержат назальный инфикс (они аналогичны др.-инд. VII классу) и его тематизированный вариант: др.-инд. *yunākti/yuñjāti* “соединять” при причастии *yuktāh* без инфикса. Аналогично 17–18 классы репрезентируют др.-инд.

V класс: глаголы с суффиксом *nó-/nu-* (< *-néu-/nu-*): др.-инд. *ṛnóti/ṛnvāti* “двигать”. Эти презенсы, бесспорно, имеют индоевропейские прототипы.

1.3. Классы 19–21 включают в себя варианты глаголов с сигматическим суффиксом. Класс 19 – атематические глаголы (др.-инд. *dvesti* “ненавидеть”, ср. греч. *δεδῶ < δFειδῶ* “бояться”, *vaste* “одеваться”; тот же корень без сигматического суффикса – лат. *exuo* “снимать”). Класс 20 – тематизированные глаголы (др.-инд. *bhāsati* “сиять” наряду с *bhāti* то же). В классе 21 наличествует редупликация. За этим определением скрываются дедеративы: др.-инд. *jighasati* “жаждать убить” и т.д.

1.4. Классы 22–23 – глаголы с суффиксом *-sko-*, первый из них – нередуплицированный, второй – редуплицированный. Ср., с одной стороны, др.-инд. *gachati*, греч. *βάσχω, φάσχω* (арм. *baci* “я сообщил”), с другой – греч. *διδάσχω* “учить”, *βιβρώσχω* “пожирать” и т.д. Бругман [Brugmann 1892: 1029] с полным основанием замечает, что суффикс **-sk-* – это распространенный вариант **-s-*: *διδάσχω* – авест. *daxšat* “он учил”, *γνώσχω, γγνώσχω*, лат. *gnoritur* “становиться известным”, др.-инд. *jijñāsate* “стремиться узнать”, *ṛchati* “направлять” – *ṛṣati, arṣati* “двигаться”, авест. *yāsa’ti* “идти” – церк.-слав. *axamu* (простой корень – в др.-инд. *yāti* “идти”), др.-инд. *śroṣati* “слушать”, др.-в.-нем. *hlošen* “вслушиваться” – др.-в.-нем. *lūschen* “подслушивать”. Это открытие Бругмана, как мы увидим в дальнейшем, сыграло большую роль в изучении аспектно-временной системы праиндоевропейского глагола.

Класс 24 – глаголы с суффиксом **-t-*. Класс 25 включает в себя глаголы с **-d-/*-dh-*. Класс 26 – глаголы с суффиксом *-io-* (= др.-инд. IV класс). Класс 27 – глаголы на *-io-* с редупликацией. Класс 28 – с ауслаутом основы на долгий гласный + суффикс **-io-*. Класс 29 – назальные глаголы на **-io-*. Класс 30 – сигматические глаголы на **-io-* (куда Бругман отнес и футурумы). Класс 31 – деноминативы с суффиксом **-eíé-* (др.-инд. *devayāti* “читать” < *deváh* “бог”, *apasyāti* “быть деятельным” < *ápas* “дело”, *apás* “деятельный”). Класс 32 – каузативы, итеративы и др.-инд. X класс глаголов с суффиксом **-éie-*.

1.5. Как видим, модель Бругмана весьма сложна. К презентным классам он, по-видимому, относит любой глагол, о котором можно сказать, что он морфологически первичен. Так целые классы корневых аористов оказались в составе классов презенса. В этой классификации вполне проявляется эклектизм младограмматиков, их стремление возвести к праиндоевропейскому любой факт греческого и древнеиндийского языков. У Бругмана зачастую отсутствуют попытки как-то объяснить функциональную значимость глагольных суффиксов, описать их системные взаимоотношения. Но не осуждения ради мы ее воспроизводим (пусть и с критическими замечаниями). Каковы бы ни были недостатки бругмановской классификации, нельзя не видеть ее неоспоримого достоинства – попытки проинвентаризировать все индоевропейское глагольное словообразование, представить по возможности полный каталог глагольных формантов. Показательно, что почти никто из авторов обобщающих работ по индоевропеистике не попытался проделать подобную работу. Правда, Г. Хирт [Hirt 1928] тоже описал различные типы глагольных основ. В его свод вошли “легкие” и “тяжелые” базы (под последними он понимал прежде всего корни на **-ə*), основы на **-exei* (т.е. с чередованием *-i/-ē-*: лит. *mini, minėti* “помнить” = греч. *μáινωμαι*, аорист *ἐμόνην* “безумствовать”⁶), на **-exeu-* (др.-инд. VIII класс: *karóti* “делать” – медий *akuruta*) сигматические и назальные презенсы, а также редуплицированные презенсы и основы на долгий гласный. Дентальные глаголы у Хирта не упоминаются. В работе [Adrados 1963] приводятся типы глагольных основ, в общем соответствующие тем бругмановским классам, которые возводимы к праиндоевропейским. А в [Гамкрелидзе–Иванов 1984] эта проблема даже не поставлена.

2. Подробная классификация, сопоставимая с бругмановской, имеется только в [LIV 2001]. В предисловии к “Лексикону индоевропейских глаголов” Г. Рикс дает наиболее

⁶ О германских параллелях и индоевропейских истоках см. блестящую работу [Jasanoff 1973]. К этому вопросу мы вернемся в п. 3.

полную со времен К. Бругмана и подробную классификацию глагольных типов. Он справедливо отмечает, что все глагольные корни надо разделить на первичные и вторичные. Первичные корни служат для выражения времен и аспектов (их наличие в праиндоевропейском для Рикса бесспорно!), к ним относятся презенс, аорист, перфект, а также каузатив-итератив, дезидератив, интенсив, фиентив (глагол, обозначающий становление), эссив. Вторичные корни выражают время и модус: претерит, паронтив (т.е. действие, происходящее в момент речи)⁷, конъюнктив, оптатив, инъюнктив, императив. К вторичному корню присоединяются окончания и иные грамматические средства (например, оппозиция в аблауте), выражающие число, лицо и залог, в некоторых случаях также модус (к примеру, императив) и аспект (например, редупликация) [Rix 2001: 10].

2.1. Таким образом, разграничение первичных и вторичных основ здесь носит не исторический, а грамматический характер: основа презенса или аориста первична по отношению к залоговой оппозиции потому, что выражающие ее флексии присоединяются к основе, выражающей презенс и аорист; соответственно к таким же основам присоединяется суффикс конъюнктива, оптатива и т.д.⁸ Проще говоря, вторичные формы суть производные. Но Рикс решительно утверждает, что аспектуальные оппозиции сформировались на базе более архаических, выражающих то, что в немецкой лингвистике называется Aktionsart “способ действия”⁹. Именно этим обстоятельством объясняется обилие классов презенсов: они выражали различные способы действия. Итак, какие же классы глаголов выделили Рикс и его сотрудники?

2.2. Презенс состоит из следующих классов: А. амфидинамический корневой презенс – класс с наиболее простой структурой корня. “Сильные” формы (т.е. формы актива ед. ч.) несут ударение на корне и имеют полную ступень корневого вокализма, “слабые” формы имеют ударение на флексии (нулевая ступень корня). Пример – и.-е. *g^hen-/g^hhn- “бить, ударять” (др.-инд. *hán-ti/ghn-ánti*, хет. *kuenzi/kunanzi*). В. “акродинамический” презенс: ударение на корне, “сильные” формы с продленной ступенью вокализма, “слабые” – с полной. Специально отмечается, что акродинамический презенс мог быть и вторичным¹⁰. В качестве примера приводится корень *dēk-/dēk- (др.-инд. *dāsti/dāsanti* “почитать”), что вряд ли можно признать удачным, ибо этот корень в действительности реконструируется как *dēHk-. Лучше привести корни из прим. 11: *kes- “резать”, также *tek- “производить” (с учетом, однако, вторичности этого корня – редупликации от *tek-, ср. греч. ἔτερον). С. статив с нулевой ступенью корня и с ударением на флексии. Приводится и.-е. *tuk-(é) (хет. *duggari* “важно, значимо”) от *tuek- “быть видным”. По мнению Рикса, подобные глаголы воспроизводили категорию инактива, отличную от стандартного медия, возможно, статив. Надо полагать, что главным грамматическим признаком этой категории была невозможность субъектом контролировать действие (тогда как стандартный медий обозначал действие, производимое субъектом для самого себя).

⁷ Интересные соображения о природе паронтива и его связи с другими временами и модусами см. в работе самого Рикса [Rix 1986].

⁸ Это положение справедливо для синхронной грамматики большинства древних индоевропейских языков. Но в них обнаруживаются следы и такого состояния, когда конъюнктив и оптатив могли образоваться только от одной глагольной основы, по-видимому – от чистого корня [Schwyzer 1939: 639]. Ср. лат. *attigat, attulat* – конъюнктивы, противопоставленные как презентным *tanget, feret*, так и перфектным *tetigerit, tulerit*. Есть все основания утверждать, что подобные протоконъюнктивы характеризовались нулевой ступенью вокализма.

⁹ Так, на мой взгляд, следует переводить этот немецкий термин. Его транслитерация русскими буквами (акционсарт) представляется довольно неуклюжей и чуждой духу русской терминологии [Hoffmann 1955].

¹⁰ Пожалуй, в настоящее время в этом и не приходится сомневаться. О причинах его возникновения см. [Insler 1970; Kümmel 1998]. В [Красухин 2004: Приложение 2] рассмотрены все глагольные корни, причисленные в LIV к “акродинамическим”. В результате выяснилось, что лишь у очень немногих корней реально присутствует аблаут *-ē-/e- (вед. *śásta* “он резал для себя” – *viśāsti* (Яджурведа) “он режет”; *tāsti* “он строит” – 3 л. мн.ч. *tāksanti* и нек. др.).

D. статив с полной ступенью вокализма и корневым ударением: и.-е. **kéi-* “лежать” (вед. *śáye*). E. презенс с суффиксом *-u-*: акцент и аблаут корня таков же, как в амфидинамических корнях, суффикс всегда безударный, с нулевой ступенью; пример – **térh₂-u/trh₂-u* (др.-инд. *tarute* “достигать”). F. сигматический корень с “акродинамическим” аблаутом. Единственный пример – **gnēh₃/*gnéh₃-* представлен только хеттским *ganeszi* “узнавать”. Однако морфология этого глагола не дает оснований реконструировать его как **gnēh₃/*gnéh₃-*, скорее как **gonh-és-* (в соответствии с предложенной Кейпером [Kuiper 1934] процедурой реконструкции сигматических презенсов).

2.3. Следующие классы глаголов – редулицированные презенсы. G. редулицирующий слог с *-e-*, ударение на первом слоге, безударный корень со ступенью *o* в активе, с нулевой ступенью в конъюнктиве; ударность окончаний в мн.ч. и меди – вторичное явление (в действительности эта черта последовательно проявляется во всех индоевропейских языках; ничто не свидетельствует о ее вторичности). Пример – и.-е. **dē-doh₁*¹¹ “давать” (др.-инд. *dādhāti*). Напротив, класс H содержит редулицирующий слог с тембром *-i-* и с корневым ударением: *sti-stéh₂-ti* “стоять” (др.-инд. *tīsthāti*, греч. ἵστημι). У этого корня “амфидинамические” аблаут и акцент. Различие между классами G и H, по сути, заключается только в тембре редулицирующего слога. Никакой реальной разницы в аблауте и акценте не наблюдается (все глаголы этих типов в древнеиндийском и древнегреческом несут ударение на первом слоге, имеют полную ступень корневого вокализма в “сильных” формах и нулевую – в слабых). Можно, конечно, предположить, что оба они воздействовали друг на друга (этим объясняется **e-*тембр в др.-инд. *dādhāti, dādāti* при *i*-тембре в τίθημι, δίδωμι), но возникает вопрос о причинах и относительной хронологии такого различия. Пока он не будет обстоятельно исследован, говорить о реальном разграничении классов G и H рано. Класс I представляет по сути тематический вариант класса H; корень всегда в нулевой ступени: *si-sd-él-ó-* (примеры см. выше, п. 1; окситонеза предполагается по нулевой ступени **sd-*, хотя все известные нам формы несут ударение на первом слоге; возможно, ударение с тематической гласной впоследствии было перенесено на первый слог).

2.4. Следующие три класса – назальные: K – инфиксальный класс (16 класс Бругмана), L – и.-е. **neu-/nu-* (17 класс Бругмана), M – и.-е. **neH-/nH-* (18 класс Бругмана). Для всех них характерны так называемые “гистеродинамические” аблаут и акцент: в “сильных” формах суффикс ударен и полнозвучен, в “слабых” – флексия. Корень всегда находится в слабой ступени вокализма и не под ударением. Следует отметить, что описание назальных презенсов не является здесь исчерпывающим. На мой взгляд, не следует противопоставлять инфиксальные суффиксальные назальные презенсы: различие классов L, M, N – материальное, но не структурное. Конечно, при сравнении др.-инд. презенса *ṛnóti* “двигать” и аориста *árta* “он поднялся” (соответственно греч. ὀρῶμι и ὄρτο, хет. *arnuzi* и *artari* “он стоит”) формант **néu-* выступает как суффикс. Но др.-инд. *śṛnóti – áśrot – śrutáh* естественно членятся как **k₁l-né-u/klu-*. Для неинфигированного варианта корня существует множество индоевропейских параллелей. Аналогично – др.-инд. *gr̥bhñáti/lágrabhit < *ghr̥bh-né-H-/grébhH-*. В действительности все элементы, стоящие за назальным аффиксом, суть детерминативы. Во-первых, к глаголам VII класса и их аналогам можно найти параллели без этих корневых элементов: др.-инд. *yunákti* (лат. *iungo*, лит. *jūngti*) – др.-инд. *yáuti* “соединять” (и.-е. **ieu-g-*: **ieu-*, ср. также лит. *jūkti* “перемешиваться” < и.-е. **ju-k-*), др.-инд. *vṛnákti* “оборачивать” – *vṛnóti, varati* “сжимать, покрывать” (**uerg-lurg-lureg-* “толкать; делать”, ср. греч. ἔρω < ἔφρω “гнать”, ἔρδω, Ῥέζω “делать”, гот. *waurkjan*, нем. *wirken*: и.-е. **uer-* “проникать, пробивать”, ср. лит.

¹¹ Если принять теорию трех ларингалов, которой придерживаются авторы LIV, то реконструкция в этом корне *h₁* выглядит спорно. Этот ларингал не меняет тембр гласных: **dheh₁-* > лат. *fēci*, хет. *tehh₁*, *dhoh₁-* > др.-в.-нем. *tuon*, *dhoh₁-mō-* > греч. θωμόφ “куча”, гот. *doms* “собрание”. В корне же **doH-* о-ступень не засвидетельствована. Это наводит на мысль о том, что тембр гласной здесь зависит от ларингала.

vérti, церк.-слав. *за-врѣтѣти*, русск. диал. *верать*; как видим, у этого корня есть вариант и с *-u-*), др.-инд. *ṛdhnóti/ṛdhnāti/ṛnaddhi* “расти, процветать” (и.-е. корень **er-/r-* “поднимать(ся), появляться” + *-dh-*, *-n-*, *-u-*, *-H-*). Иногда сопоставление первичного и отягощенного детерминативом корня позволяет высказать предположение о функции детерминатива. Так, и.-е. корень **kleu-* “слышать”, скорее всего, является производным от и.-е. **kel-/kelH-* “звать” (греч. *κέλομαι*, ср. лат. *clārus* “яркий, ясный”). В этом случае мы можем определить значение варианта **kleu-/klu-* как результатива по отношению к **kel-*, а форму **kl̥-né-u* – как специальную презентную основу. Кроме того, в образовании назальных презенсов приняли участие, по-видимому, и отглагольные имена. Р. Шмитт-Брандт [Schmitt-Brandt 1987] провел ясную параллель между др.-инд. глаголом *dhṛṣṇóti* “сметь, отваживаться” и др.-инд. прилагательным *dhṛṣṇú* “храбрый”. К этому можно прибавить, что суффикс *-ni-* по происхождению составной, о чем свидетельствует вариант *dhṛṣṇú*. Следовательно, упомянутые выше глаголы на *-i-* (класс E) тоже могли быть отыменными по происхождению. Ср. еще др.-инд. *tanóti (ṭṇ-néu-ti)* “вытягивать” – *tanú* “длинный”. Аналоги этой паре представлены в греческом: *ταῖνω* “тащить” (< **ταῖνμι*, с поздней тематизацией¹²) – первый член композита *ταῖνω-τεπλος* “с длинной мантией”.

2.5. Далее следуют тематические классы: тип др.-инд. *bhárati* – класс N, тип др.-инд. *tudāti* – нулевой класс, тип на *-sko-* (нулевая ступень корня) – класс P; в отличие от Бругмана, Рикс не делает различия между редуцированным и нередуцированным классом. На наш взгляд, здесь следовало бы упомянуть о том, что подавляющее большинство этих глаголов так или иначе производны от атематических: при общендоевропейском **bhér-e-ti* существуют и атематические формы: др.-инд. *bhárti* (и *bibharti*), гомеровский императив *φέрте* “несите”, лат. 2 л. *fers*, 3 л. *fert*, 2 л. мн.ч. *fertis*, императив *ferite*; тохарский A медиальный имперфект II класса *parat* воспроизводит основу с долгим гласным (и.-е. **bhōreto*), как и тох. В презенс *parām*, т.е. заставляет предположить здесь “акродинамическую” форму. Ср. еще др.-инд. *tísthati, dádati* при *tísthāti, dádati*, лат. *sistere, con-dere* (**km-dhH-é*) при *dádhāti*, др.-инд. *dógdhi – dóhati, duhāti* “доить” и мн. др.

2.6. С йотовым суффиксом образуются три класса глаголов: – Q с нулевой ступенью корня (**gṇh̥j-íe-* > др.-инд. *jāyate* “рождаться”), R с полной ступенью (**spék-íe-* > др.-инд. *pásyati*, лат. *specio*, греч. *σκέπτομαι* “смотреть”), S – с суффиксом **-éie-* и, соответственно, корнем в нулевой ступени (*ṭṛp-éie* > др.-инд. *ṭṛpyati* “поворачиваться”¹³). И здесь следует отметить производность многих корней от атематических: греч. *θεῖνω* “ударять, бить” – др.-инд. *hánti* “убивать”, греч. *φοίνω* “являть” – др.-инд. *bhāti* “сиять” и т.д.

2.7. Последние три класса презенсов образуются с помощью дентальных суффиксов; корень повсюду полногласен и ударен: класс T – **kléuH-de/o-* “очутиться где-либо” > др.-норв. *hljota* “удерживать” (< и.-е. **klāu-/kleu-* “ключ, запор”, греч. *κλῆις*, лат. *clavis*), U – *pléh̥j-dhe/o-* > греч. *πλήθω* “заполнять” (сравнение с аористом *ἔπλητο* “наполнился” заставляет предположить каузативность суффикса *-θ-*), V – **plék-te/o-* > лат. *plecto* “плести” (греч. *πλέκω* то же). Не углубляясь в проблему происхождения этих презенсов, отмечу, что они, по-видимому, имеют отыменное происхождение. Суффиксы **-té/ó-*, **-dhé/ó-* образуют результативные причастия и отглагольные прилагательные. Первый из них хорошо известен, в качестве второго мы можем привести и.-е. **urdhóm̥j/urdhóm̥* “слово” (лат. *verbum*, гот. *waurd*) от **uer-* “говорить”. Глаголы, образованные с помощью этих суффиксов, имеют, как правило, результативное значение: и.-е. **uél-* “хотеть” (с

¹² Время тематизации глаголов на *-vu-* в древнегреческом определяется звуком, предшествующим тематической гласной: в более древнюю эпоху он превращался в сонорный и выпадал (греч. *τίνω* < **τινFω*, ср. др.-инд. *cinóti* “замечать”), в более позднюю – сохранял свой вокальный характер (греч. *μίγνυμι – μίγνυω, οἴγνυμι – οἴγνυω*). Таким образом, *ταῖνω*, несмотря на отсутствие атематической формы, безусловно, результат поздней тематизации [Kuiper 1937: 231–232; Rausq 1947: 33].

¹³ В Ригведе известны только варианты *trpnóti, trmpāti, trpán*. Ср. также греч. *τέρπομαι* с полной ступенью корня.

нулевой ступенью вокализма – “выбирать”: др.-инд. *vrñāti* → и.-е. **uél-dhe/o* “владеть”, **kel-* “звать” (греч. κέλομαι) – гот. *haldan* “пасти (скот), охранять, удерживать” (нем. *halten*).

Попробуем проиллюстрировать связь глаголов и имен с дентальным суффиксом на конкретном примере. И.-е. корень **bherdh-* “резать, рубить” представлен, согласно Покорному, следующими вариантами: **bherdho-/bħredho-* “резать”, **bħr̥dhó-* “доска”. К первому варианту относятся др.-инд. *bardhāka-* “режущий; плотник”, вед. *śatābradhnah* (RV VIII 66, 7) “имеющий сто спиц”, по-видимому, и греч. *τέρθω* < **bħérdho-* “уничтожать”. Шантрен определяет этот глагол как “индоевропейский по виду, но не имеющий прямых аналогий” [Chantaine 1974: s.v.]. Вариант *bħr̥dhó-* – лат. *forfex* “ножницы” (этот вариант относится к исконному и.-е. **bħr̥dhó*, как лат. *senex* “старик” к др.-инд. *sána*, греч. ἔνος “старый”)¹⁴, гот. *foru-baurds* “ступенька”, русск. *бёрдо* “деталь ткацкого станка”. Возможно, к тому же корню восходит и польск. *bardysz* (> русск. *бердыш*) “вид секиры”, хотя это имя может быть заимствовано из ср.-лат. *barducium* “дротик”. Бесспорно, этот корень произведен с помощью суффикса *-dh-* от **bher-* “резать, сверлить” [лат. *ferio, foro*, греч. φάρσαι σχίσαι (Гезихий) “сломать”, др.-исл. *herja*, церк.-слав. *бортѣ, бърпати*]. “Прямыми аналогиями”, которые требовались П. Шантрено, очевидно, являются указанные отглагольные имена. Конечно, было бы ошибкой утверждать, что глагол “разрушать” происходит от имени “доска, сторона”. Но очевидно, что в основе обоих именований лежит значение “разрезать, разрубить до конца”, т. е. результатив-комплетив от “резать”. От и.-е. корня **bher-* образуется имя **bħr̥dhó-*, которое ложится в основу нового глагольного корня. Различие же в акцентуации (окситонные имена vs. баритонные глаголы) объясняется просто: от этих глаголов образуются тематические аористы (*τέρθω* – ἔτραθον), с нулевой ступенью корневого вокализма и окситонезой (о причинах именно такой дифференциации презенсов и аористов см. ниже). Отметим также, что глагольный класс на *-θ-* в древнегреческом обладает некоторой продуктивностью. Ср. *τελέω* – *τελέθω* “завершать”, *μινύω* – *μινύθω* “уменьшать”, формы, подобные аористу типа ἔσχεθον (ἔχω “иметь, держать”). К тому же классу может относиться и аорист ἔπαθον “я пострадал” с презенсом *πάσχω* (< и.-е. **pn-dh-*) [Красухин 2001]. Упомянутое греч. *πλήθω* указывает на каузативное значение; однокоренное *πλήθος* “множество, толпа” подтверждает связь суффикса **-dh-* с отглагольными именами. Отметим также аорист ἔμαθον “я научился”, производный от и.-е. **men-* “думать, мыслить”. Большинство этимологов полагает, что это – словосложение: **men-* + **dhē-*; ср. др.-инд. *medhā* “мудрость, мысль”, авест. *mazda* “мудрец”, лит. *mandrius* “бодрый, крепкий”¹⁵. Если это и так, то словосложение **men-* + **dhē-* уподобилось отглагольному имени и развилось в глагол по той же модели, что и **bħr̥dhó-* > ἔτραθον.

2.8. Итак, Рикс и его соавторы предложили свое решение весьма насущной и актуальной задачи: они проинвентаризировали основные типы глагольных основ в праиндоевропейском. Кое-где они попытались описать и семантику основных баз. Это не всегда возможно, так как значение суффиксов и детерминативов нередко нивелировалось. Более определенно авторы LIV высказываются о производных формах. К праиндоевропейскому они относят корневой, сигматический и тематический аористы, причем последний – почему-то только в редуцированной форме, опираясь на др.-инд. *avocam* = греч. ἔλον < **ε-Fe-υλ-ov* < **e-ue-uk̑-om*. В действительности нередуцированный тематический аорист, вопреки LIV, еще с большим основанием может быть выведен из праиндоевропейского источника. Правда, в диссертации Дж. Кардоны [Cardona 1963], специально посвященной этой категории утверждается, что только один (!) аорист при-

¹⁴ Фонетика имени *forfex* свидетельствует о том, что данное имя – сабелльского происхождения, ср. умбр. *furfaθ* (Игувинские таблицы I b 1) / *furfant* (Игувинские таблицы VI b 43), глагол не вполне ясного значения (“резать”, “очищать”, “ломать”, “класть на доску”?). Ср. дублиеты в итальянском: диалектное *forfice* / литературное *forbice*, из которых последний точно воспроизводит латинскую фонетику.

¹⁵ Из новейшей литературы см. [Meyer-Brügger 2004], где приводится много композитов с **dhē-*, в том числе и **men-(s)-dhē*, но не упоминается греч. ἔμαθον.

знается праязыковым: и.-е. **uidét* > др.-инд. *ávidat* – греч. ἔϋιδε – арм. *egit*, однако в действительности таких форм больше: и.-е. **lik^hér* “покидать” > др.-инд. *áricat* – греч. ἔλιπε – арм. *elikh*; апофония лит. *liko* позволяет предположить, что литовские претериты на -о- с нулевой ступенью вокализма тоже восходят к тематическим аористам. Следует отметить весьма тонкое замечание Рикса о том, что редупликация изначально придавала глаголу “комплексно-итеративный” характер. Из него развивалось значение каузатива. И действительно, ряд редуплицированных аористов у Гомера имеет каузативное значение (ἔλαθον “я скрылся” – ἑλάθον “я скрыл”).

2.9. Перфект, по мнению LIV, мог быть только редуплицированным, со ступенью *o*, хотя в работе Ф. Бадера [Bader 1968] высказаны справедливые мысли о том, что первичный редуплицированный перфект характеризовался нулевой ступенью, а ступень *o* присутствовала в нередуплицированном перфекте. Единственный пример подобного перфекта, относимый к праязыку – др.-инд. *véda* = греч. φοῖδα = лат. *vidi* = церк.-слав. *вѣдѣ*, но Бадер путем изящной эмендации выявила еще несколько подобных же форм (например, **ме Горуе* вместо *μ' ἔоруε* в Ил. XXI 99 и XXII 347). Не следует забывать, что и германские претерито-презентные глаголы, перфектное происхождение которых общепризнанно, имеют *o* ступень корня (нулевую ступень в инфинитиве) и не имеют следов редупликации.

2.10. Прочие производные формы суть следующие. Каузативы-итеративы двух видов – с суффиксом **-éie/o-* (**mon-éie/o-* > лат. *monere* “убеждать, наставлять”) и суффиксом *-i/e/o* (*suor-i/e/o-* > лат. *sopire*). В первом типе каузатива ударение стоит на суффиксе, корень в ступени *o*; во втором – корневое ударение, ступень *o* корня. Я бы прибавил к этому и славянский каузатив типа *быти* – (*изъ-)**бавити* (< **bhū-* → **bhūi-*), *плотити/плыти* – *плавити*. Оба типа очень близки друг другу. Нам, однако, не вполне ясны причины, по которым к второму типу относится греч. *πολλέομαι* “часто двигаться”, возводимое авторами LIV к варианту **k^holh^h-i/e/o* (при первичном **k^helh^h-* “вращаться”). В действительности, как показывает греч. *πελῶ/ἐπλετο*, лат. *colo* < **quelo*, др.-инд. *carati*, первичный корень можно реконструировать без ларингала. Долгота же корневого вокализма не является отличительной чертой только этого каузатива-итератива. На общеиндоевропейский статус вполне может претендовать и итератив-каузатив с суффиксом *-ā-*. Полная ступень *o* наличествует у таких глаголов, как упоминавшиеся лат. *forāre* – др.-в.-нем. *boron* (бругмановский класс 10). Продленная же ступень засвидетельствована в греч. *φορέω* “носить”, *νομέω* “распределять, раздавать”, церк.-слав. *лѣтати*, *бѣгати* (ср. с полной ступенью *летѣти*, *бежати* < **бегѣти*). Долгота для всех случаев была удачно объяснена Е. Куриловичем [Kuryłowicz 1964: 81]: каузативы и итеративы по сути – отыменные глаголы; они могут заимствовать свой вокализм у корневых имен, в том числе и имеющих продленную ступень (ср. греч. *φόρ*, церк.-слав. *бѣгъ*, *за-бава*). Причины же развития продленной ступени см. в [Streitberg 1894; Pisani 1932]. В целом можно утверждать, что продленная ступень является возможным, но не обязательным атрибутом итеративно-каузативных глаголов. С другой стороны, можно сравнить эти формы с индоевропейскими фактитивами. Они представлены в хеттском (хет. *maniahh-* “управлять” от и.-е. **manu-* > лат. *manus* “рука”), латыни (лат. *albare* “белить”, *pro-pagare* “сажать (саженцы), вбивать”), древневерхненемецком (глаголы II слабого класса: *richis* “царство” – *richison* “царствовать”, *ente* “конец” – *enton* “заканчивать”).

2.11. Дезидератив, по мнению авторов LIV, возможен в двух формах: 1) атематической – с “амфидинамическим” аблаутом и акцентом, всегда безударным суффиксом в нулевой ступени (**ueid-s-* > лат. *visere* “наблюдать”¹⁶), и 2) редуплицированной – с суффик-

¹⁶ Статус этого глагола как дезидеративного не общепризнан: обычно он трактуется как фрекентатив, построенный по продуктивной для латыни модели – от супина: ср. др.-лат. *horior* – классическое *hortāri* “убеждать”, *capere* “брать” – *captāre* “захватывать”. Но, возможно, здесь правы именно авторы LIV: все эти участительные глаголы образованы с суффиксом *-ā-*, тогда как тематическое спряжение *visere* можно объяснить тем, что это конъюнктив сигматического глагола.

сом *-sé/ó- (**ui-un-sé/ó-* > др.-инд. *vívāsati* “стремиться достичь”, *vi-vid-sé/ó-* > др.-инд. *vív-itsati* “искать”). В древнеиндийских дезидеративах часто удлиняется гласный корня. По мнению Рикса и его соавторов, между корнем и суффиксом появляется ларингал: **ui-un-H-sé/ó-* (см. выше), **g^hhi-g^hhn-H-sé/ó-* (др.-инд. *jíghāmsati* “стремиться убить”). Этот ларингал заимствован из корней *set*. Следует отметить, что существует и принципиально иная точка зрения, согласно которой исконно дезидеративный суффикс выглядел как **Hes-/Hsé-* [Erhart 1989: 67]; ср. др.-инд. *apnóti* “получать” → *īpsāti* “стремиться” (**ep-Hsé-*), *bhājati* “давать, наделять” → *bhikṣāti* “желать, молить” (**bhg-H-sé/ó-*). Корни *ap* и *bhaj* относятся к числу *anit* (ср. хетт. *epzi* “он берет”), нередуцированность данных дезидеративов – внесистемная черта (подавляющее большинство этих древнеиндийских глагольных основ редуцировано), поэтому именно такие формы могут сохранять архаические черты [Insler 1968]. Кроме того, латинский суффикс субъюнктива перфектных времен *-is-* (в интервокальном положении *-er-*) проще всего объяснить из суффикса *-Hs-*, а не *-s-*.

Реконструкция атематического дезидератива авторам LIV необходима для объяснения происхождения футурума и форм типа упомянутого лат. *visere*. Следует учесть, что футурум в тех языках, где он представлен как синтетическая форма, всегда имеет тематическую основу. У Гомера конъюнктив сигматического аориста (если у него краткий суффикс) и футурум различимы только в контексте:

ἀλλ' ἢ τοι μὲν ταῦτα μεταφρασόμεθα καὶ αὐτίς,
νῦν ἄγε νῆα ἐρύσσομεν εἰς ἄλα διὰν,
ἄν δ' ἐρέτας ἐπιτεδῆς ἀγείρομεν, ἐς δ' ἐκατόμβην
θείομεν, ἄν δ' αὐτὴν Χρυσίδα καλλιπαρεῖον
βῆσομεν... (Илиада I 140–144)

“но это мы (давай) обсудим позднее и в другой раз; сейчас же давай направим черный корабль в божественное море, соберем достаточно жрецов, совершим гекатомбу и отправим в путь самое прекраснотанитную Хрисеиду”. В данном контексте амбивалентна форма *μεταφρασόμεθα*: ее можно толковать как футуральную или конъюнктивную. Изоморфный глагол *ἐρύσσομεν* снабжен побудительной частицей *ἄγε*, которая показывает, что перед нами – *coniunctivus hortativus*, а не футурум. В этом контексте глагол *ἀγείρομεν*, омонимичный презенсу индикатива, на самом деле является конъюнктивом аориста (**αγερ-σ-ομεν*)¹⁷, как и *θείομεν*.

Таким образом, футурум типа гомеровского – это по сути конъюнктив аориста (из-за необходимости различать две эти категории в послегомеровскую эпоху конъюнктив с долгим суффиксом вытеснил краткий). Это положение не противоречит тому, что утверждает Рикс, но вносит в его реконструкцию необходимые уточнения. “Атематический дезидератив” есть не что иное, как сигматический аорист (ср. “Аорист – это претерит дезидеративного презенса” [Откупщиков 1967: 167]). Тематизация, по-видимому, и подчеркивает дезидеративное значение. Вообще, этот вопрос требует особенно тщательного изучения всех функций сигматического аффикса, а также типологических штудий поведения перфективирующих аффиксов в различных временах. Дезидератив, аорист, сигматический презенс и футурум требуют комплексного изучения. Значительные части этой работы выполнены К. Уоткинсом [Watkins 1962] и О. Хакштейном [Hackstein 1995]; сейчас представляется насущно необходимым синтезирующее исследование. Попутно отметим, что суффикс *-sé/ó-* – это, вне всякого сомнения, аблаутный вариант суффикса *-s-*. Естественно, присоединяясь к корню, он перетягивал ударение на себя, и в корне развивалась нулевая ступень вокализма. Об этом свидетельствуют итальянские футурумы и субъюнктивы лат. *faxo, faxim* (< **dhək-sé/ó-* – конъюнктив, **dhək-s-iēH-/iH-* – оптатив). Таким образом, тяга конъюнктива к нулевой ступени вокализма находит

¹⁷ Во избежание омонимии с презенсом футурум у глаголов на плавные образован с помощью суффикса *-εσ-ε/ο < **Hs-é/ó*: *ἀγείρω* → *ἀγερῶ* < *ἀγερεσῶ*.

подтверждение и здесь. Очевидно, хотя авторы LIV этого специально не оговаривают, к дезидеративу восходят тематические сигматические презенсы.

2.12. Интенсив Рикс с соавторами определяют и реконструируют так же, как Бругман – по индоиранскому образцу, высказывая сомнение в возможности его проекции на праиндоевропейский уровень. Вместе с тем можно отметить, что редулицированные формы с усилительным значением не чужды и другим языкам: ср. греч. *λατφάινω* “сиять” *от* *φαίνω* “являть”, *λατφάσσω* “мелькать” (< **gh^hak^h* – “блестеть”, ср. *φῶψ* *φάος* (Гезихий) “свет”, лат. *fax* “факел”), хет. *kukurs-* “рубить” (*kuars-* “резать”). Но в этих языках такие глаголы весьма sporadicheski; они не сложились в грамматическую подсистему.

2.13. Две последние производные категории праиндоевропейского глагола еще не приобрели статуса общепринятых: это “фиентив” с суффиксом *-éh₁-/-h₁-* и “эссив” (и.-е. *-h₁-iél^o-*). Первая основа обозначает достижение субъектом нового состояния, вторая – пребывания в нем (возможно, она заместила древние классы C и D первичного презенса). Их реконструкция вызывает довольно много вопросов. Так, “эссив”, очевидно, восстанавливается на базе греч. *χαίρω* “радоваться” (< **χαρίω*) – аорист *ἐχάρην*, *μαίνομαι* “безумствовать” (*μαίν-ю* < *μν-ю*) – аорист *ἐμόνην*, ср. др.-инд. *manuāte* “полагать, думать”. Особенно интересно почти пофонемное совпадение с лит. *mini* “он помнит” – инфинитив *minėti*. В германских языках “эссив” отражается в III классе слабых глаголов. Примечательно, что в готском сохранилась презентная основа на **-io-*, а в древневерхненемецком – на *-ē-*: гот. *haban* (3 л. ед. ч. *habaiþ*) – др.-в.-нем. *habēn* (*habēþ*) [Jasanoff 1973]. Реконструкция “фиентива” опирается на многие латинские глаголы II спряжения: *manēre* “оставаться”, *albēre* “белеть”, *rubēre* “краснеть” и их балто-славянские параллели: церк.-слав. *бѣлѣти*, *зрѣти*, лит. *akmenėti* “окаменевать” и т.д. Первый тип глагольного корня восстанавливается на базе работы [Rasmussen 1993]. Й. Расмуссен отмечает, что представленный материал позволяет разграничивать презенсы, обозначающие состояние, и аористы, указывающие на достижение состояния. Презенс восстанавливается им в форме: презенс и.-е. **sene-h₁-iē-ti* “он стар” (деноминатив), и.-е. *bhudh-h₁-iē-ti* “он бодрствует” (девербатив) vs. аорист и.-е. **sēne-h₁-t* “он стал стар”, *bhudh-éh₁-t* “он проснулся”. Тем самым йотовый суффикс сохраняет свою презентную функцию. Аорист отличается от него тем, что ударение он несет на своем суффиксе, тогда как в йотовом презенсе ударение перетягивается на последний суффикс.

3. Вопрос о статусе “статива” и “фиентива” не получил окончательного разрешения, поэтому целесообразно остановиться на нем подробнее. Прежде всего, оппозиция **iē-/-ē-* представлена: 1) в балтийских и славянских языках, где презенс на *-i-* противопоставлен инфинитиву на *-ē-*, 2) в древнегреческом, где презенс на *-io-* противопоставлен аористу на *-η-*. Ср. *μαίνομαι* – *ἐμόνην* “безумствовать”: *mini* – *minėti* “вспоминать”: *мнитъ* – *мнѣти*. Но при этом надо учесть, что литовский и славянский презенс, как показал Е. Курилович [Kurjłowicz 1964: 81] происходит не из йотового суффикса, а из парадигмы, которую сам Курилович именует перфектной: **mn-ēi*. С нашей точки зрения, она отражает более древнюю глагольную форму, чем перфект, – окситонный статив. Именно эта форма в древнегреческом и древнеиндийском замещена йотовым презенсом. В настоящее время можно объяснить морфологическую функцию этих замещений. Дело в том, что древнейшая форма стативного глагола представляет собой, по сути, рассогласованное прилагательное или наречие. Указанные суффиксы вводят его в собственно глагольную парадигму. Поясним это на нескольких примерах. В литовском языке хорошо известны наречия *ganà* “можно” и *gailà* “жаль”. Они находятся в прямом родстве со стативными глаголами *ganėti* “мочь” и *gailėti* “жалеть”. От первого из них образовано 3 л. ед.ч. *gānia* (*ia*-презенс), от второго – *gāili* (II спряжение). Частица *-i* имеет отчасти значение *hic et nunc*, отчасти – эмпатическое. Я. Сафаревич [Safarewicz 1965] указывал на ее наличие в древнелатинских перфектах типа *astiteit* (= *adstitit*), *fuveit*, *redieit*: окончание *-it* присоединилось к флексии **-ei*, которую мы встретили в литовском. Можно утверждать, что частица **-i* и презентный суффикс **-io-* играли роль “вербализатора”, переводящего недостаточно дифференцированную окситонную форму в разряд глаголов в презенсе. Процесс внедрения этих формантов был ступенчатым: церк.-слав. *кѣтитъ* –

кыпѣти соответствует лит. *kūpa* – *kupėti* “бежать; изобиловать, буйно расти” (с вторичной долготой корня, о чем свидетельствует циркумфлекс). Ср. еще др.-инд. *kipuati* “приходить в движение”, лат. *cupio* “страстно желать”.

3.1. Следует отметить, что йотовый суффикс в качестве пассивного сугубо ударен, тогда как у глаголов IV класса ударение стоит и на корне. Ср. др.-инд. *būdhyati* “бодрствовать”, *púsyati* “процветать”, *túsyati* “быть довольным”, но *diyáte* (*dádāti*) “быть даным”, *kriyáte* (*kṛnóti*) “быть сделанным”, *uyjyáte* (*yundāti*) “быть привязанным”. Ударение – единственное, что отличает статив IV класса от пассива. И глагол *jāyate* “рождаться” с синхронной точки зрения, по-видимому, рассматривался как вариант *jānati*, а не его пассив, поэтому его ударение стоит на корне¹⁸. В некоторых случаях, как указывают авторы LIV, в пассивах и стативах удлинняется гласный корня, поэтому суффикс реконструируется как ларингал: ср. др.-инд. *kṣiyate* (*kṣināti*) “разрушаться”, *tāyate* (*tanóti*) “быть натянутым”. Однако мы убедились, что это происходит не всегда. Ларингал здесь явно факультативен, возможно, он пришел от корней *set* типа **gnH-* > *jā-*. Нет сомнения, что изначально ударным в этих глаголах был суффикс. Этим и объясняется их стативное и пассивное значение.

3.2. Вызывает сомнение распределение значений *-(h₁)io-* как эссива и *-eh₁-* как фиентива. Сравним два омонимичных инфинитива: церк.-слав. *зърѣти₁* “видеть” и *зърѣти₂* “зреть”. От первого из них образуется презенс *зърѣх*, от второго – *зърѣхъ*. В принципе первый глагол можно рассматривать как “эссив”, но большинство глаголов этой категории обозначают неконтролируемое состояние, тогда как *зърѣти* – это нединамичный глагол восприятия, т.е. контролируемого события. Такая же морфология характерна и для других глаголов восприятия в славянских языках: церк.-слав. *видѣти* (*виждѣх*), *слышати* (*слышѣх*) < и.-е. **sluxēti/sluxio*¹⁹. Что же касается *зърѣти₂*, как и других глаголов этого класса, то они могут означать как состояние, так и становление, т.е. быть, если пользоваться терминологией LIV, эссивными и фиентивными. Попутно отметим и рефлексy глаголов на *-ē-* в древнегреческом: *ἀνθεῶ* (*ἦνθη-σα*) “цвести”, *θαυβεῶ* (*εἰθαυβη-σα*) “удивляться”, *μισεῶ* (*ἐμισῆ-σα*) “ненавидеть”, где в аористной основе (с вторичным *-σ-*) проявляется исконная долгота.

3.2.1. Глаголы этих классов в индоевропейских языках тоже не демонстрируют четкого разграничения обеих сем. Сравним глаголы, однокоренные с обоими славянскими: лит. *žerėti* (*žėriu*) “снять” (статив с вторичной долготой корня, но с теми же суффиксами презенса и инфинитива, что и в славянском); др.-инд. *jiryati* “стареть” (типичный глагол становления). Следует заметить, что во многих индоевропейских языках глаголы на **i^é/o-* и *-ē-* не пересекаются. Если в германских языках разделение глаголов на типы гот. *habaiþ*/др.в.нем. *habēt* отражает позднее явление, то в других языках нет следов подобной корреляции. Так, однокоренные лат. *iacio* “кидать” / *iaceo* “лежать” резко различаются по семантике (второе может рассматриваться как результатив первого). В хеттском имеются два класса глаголов с суффиксом *-ē-*: инхоативные на *-ēs* (подобные латинским на *-esc-*) и стативные на *-ē-*: *nakkezzi* “быть значимым”, *danattezzi* “пустеть” и др. [Watkins 1973]. Бесспорно, что глаголы, входящие в эти два класса (*-i^é/o-* и простое *-ē-*), суть неактивные; попробуем разобраться в их соотношении.

3.2.2. Прежде всего, необходимо уточнить ареал глаголов на *-i^é/o-* и *-ē-*. Ф. Шпехт, указывая на отдельные важные параллели в древнегреческом и древнеиндийском, отмечал, что полного развития этот класс достиг в германо-балто-славянском и итальянском ареале (что, по мнению исследователя, связано с культурой шнуровой керамики). Поэтому данные глаголы связаны сложной системой отношений с иными формами. Так, церк.-слав. *прильнѣти* – стативный глагол при инхоативе *льнѣти*; лит. *lipi* (*līpra*, *lipo*)

¹⁸ Почему Рикс с соавторами отделяют этот глагол от “эссива” и относят его к обычному йотовому классу – неясно.

¹⁹ Следует отметить, что все эти глаголы могут иметь и другое значение – потенции: *видеть* = “не быть слепым”, *слышать* = “не быть глухим”. Это значение ближе к эссивному.

“лезть, влезать” – статив или инхотатив, тогда как изоморфное др.-инд. *limpāti* “смазывать” – переходный глагол, а *lipyati* “липнуть” – непереходный. Ясно, что он входит в класс *-i^ē/o/-ē*-глаголов. Соответственно многим глаголам на *-ē* соответствуют иные формы в других языках: лит. *sérgeti* “наблюдать” – слав. *спрѣѣти* (*спрѣѣж* < *sterg-*), слав. *лежати* (< **leg-ē*) – греч. *λέχεται* *κοιμάται* (Гезихий), слав. *горѣти*, лит. *garėti* – греч. *θερόμαι*, др.-в.-нем. *dorrēn* – др.-инд. *tr̥syāti*, греч. *τέρσονται*. Как видим, глаголы на *-i^ē/o/-ē* корреспондируют с непереходными медиями. Особый интерес представляют наблюдения Шпехта над греческими глаголами, где *-ē* присутствует в непрезентных временах (VII класс). Так, лит. *gulėti* (*gūli*) “лежать” Шпехт сравнивает с греч. *θέλω* “хотеть”, хотя по семантике эти глаголы далеки. Греческий глагол более убедительно сравнивается с русск. *желать*, церк.-слав. *желѣти*. Но характерно, что основа на долгий гласный в греческом глаголе появляется в непрезентных временах: футурум *(ē)θελήσω*. Взаимоотношение *θέλω/θέλη-* напоминает лит. *kūpa/kūpėti*. Безличный глагол *μέλει* тоже относится к VII классу: футурум *μελήσει*. На его базе сформировался личный глагол *ἐπιμελέω*. Подобный же процесс привел к формированию глоссового глагола *ῥωρεῖ* *ἐνεργεῖ* (Гезихий) “действовать, совершать”, презенс от которого соотносится с литовским инфинитивом *norėti* “желать” [Specht 1935: 36–38]. В целом, глаголы на *-i^ē/o/-ē* и простое *-ē* – это сравнительно поздние образования, иногда пересекающиеся друг с другом, иногда же различающиеся. В частности, второй класс образуется, как правило, от имен.

3.2.3. Помимо славянских и балтийских языков, где четко различаются оба класса, большой интерес представляют латинские глаголы на *-ē*. Некоторые стативные глаголы включены в словообразовательные ряды вместе с фактитивными и фиентивными глаголами: ср. лат. *patēre* “быть открытым” – *patefacere* “открывать” – *patefieri* “открываться”. Такие морфологические ряды проливают свет на происхождение суффикса *-ē*. На это обратил внимание Дж. Ясанов [Jasanoff 2003: 156–157]. Он отметил, что глаголы с этими суффиксами не укладываются в предложенные LIV дефиниции. Происхождение же их – отыменное. И автор сравнивает глаголы на *-ē* с древнеиндийскими наречиями типа *gūhā* “тайно”, *mṛṣā* “тщетно, напрасно”. Суффикс *-eh₁-*, лежащий в основе этих отглагольных наречий, Ясанов считает идентичным флексии инструментали. Для доказательства его именного характера он приводит следующие аргументы. 1) Данный суффикс чередуется с именными, что заставляет вспомнить известный закон Каланда: суффиксы *-u-*, *-i-*, *-ro-* чередуются у одних и тех же основ. Суффикс *-ē* можно поставить в те же ряды: лат. *rubēre*, лит. *rudėti*, церк.-слав. *рѣдохѣти* – и.-е. *rudhrō-* (лат. *rubet*, тох. В *ratre*) / *rudhi-* (др.-инд. *rudhirā*): лат. *acēre* – греч. *ἄκρος*, *ἄκις*. 2) Следы наречий на *-ē* обнаруживаются в архаической латыни. Засвидетельствованы два примера: 1) *principio terram sol excoquit et facit are* (Лукреций. О природе вещей. VI: 962) “сперва солнце землю припекает и сушит” (*facit are* = *arefacit*), 2) *ferue bene facito* (Катон. О сельском хозяйстве. 157, 9) “помести его в хороший кипяток” (*ferue... facito*). То же наречие, по мнению Ясанова, лежит в основе латинского и славянского имперфекта: *colēbam*, *vidēbam* (< **vidē* + *bhuam*), *видѣхъ*. 3) Значение форманта *-ē* недостаточно определено. С его помощью образуются стативные и инхотативные презенсы (лат. *rubēre* и *rubescere*, хет. *danattezzi* “быть пустым” и *danatteszi* “делаться пустым”), стативные претериты (лит. *minėjo* “он помнил”, слав. *прилипѣхъ* “я прилип”), аористы (греч. *ἐμόνην* “я обезумел”, лит. *gimė* “родился”).

Представляется, что различные аргументы имеют и различную ценность. В частности, соотношение *-ē* с “каландовскими” суффиксами недостаточно показательно: в принципе к этой группе можно приписать любой глагольный суффикс, если у глагола есть однокоренные имена²⁰. Наречия, на которые ссылается Ясанов, действительно

²⁰ Впрочем, это не опровергает точку зрения Ясанова: большинство суффиксов у глагола и имени общие. На тесные взаимоотношения глаголов на *-ē* и именных основ обратил внимание еще Ф. Шпехт: ср. греч. *ἀνθεω* – *ἄνθος* “цветок”, *θαμβέω* – *θάμβος* “удивление”. Давно и хорошо известна связь латинских глаголов на *-ē* с именами на *-i-*: *gaudeo* “веселиться” – *gaudium* “радость”, *studeo* “усердствовать” – *studium* “пристрастие” [Specht 1935: 36]. Ср. также прилагательные на *-i-dus*: *aveo* “жаждать” – *avidus* “жадный”, *placeo* “покоиться” – *placidus* “ровный, спокойный”, а также отглагольные имена на *-i-tum*: супин *placitum*, *habitum* (*habeo* “иметь”).

имеют тот же формант, что и инструменталь. Однако при поисках именных форм с суффиксом *-ē-* можно вспомнить и иные формы. В частности, в литовском языке имеется довольно значительный класс имен на *-ē-* со значением абстрактности, собирательности, производности. Ср. *akmiõ* “камень” – *akmēnė* “каменшарка (название птицы)”, *žālis* “зелень”, *žālias* “зеленый” – *žolė* “травы” (с удлинением вокализма). Заслуживает внимания то, что от них образуются глаголы на *-ē-* второго типа: *akmenėti* “каменеть”, *žolėti* “заращать травой”. Таким образом, удастся выявить не только наречия, гипотетически лежащие в основе глаголов на *-ē-*, но и вполне реальные имена, образующие эти глаголы.

Аспектные же колебания, отмеченные Ясановым, свойственны различным основам, образованным от единой глагольной базы на *-ē-*. Так, презенс во всех языках маркирован суффиксом *-io-*: церк.-слав. *рѣдѣиѣтъ*, лит. *rudėja*, лат. *rubet* < **rudhēiet* > **rudhēt* (с италийским сокращением *ē* перед *t*). Представляется, что в данном случае морфема **-i-* возникла как глайд между долгим гласным основы и тематической флексией, которая восстанавливается как **-ō* (< **-oHe*), **-e(i)*, **-e* с возможным изменением в **-ō*, **-es*, **-et*. Одним из значений такой флексии была дуративность [Georgiev 1975; Красухин 2004]. Она противостояла недлительности, связанной с окончаниями **-m*, **-s*, **-t*. Исключение составляют только хеттские презенсы типа хет. *danattezzi* с их спряжением на *-mi*. Их парадигмы дефектны, они мало распространены в текстах, поэтому об их развитии можно судить по аналогии. В свое время Х. Айхнер, анализируя соотношение парадигм на *-mi* и *-hi* в хеттском, пришел к следующему выводу: первые из них связаны с аористическими корнями, а вторые – с перфектными [Eichner 1975]. Так, корень **dheh₁-* с окончанием *-mi* означает “говорить” (*temi*), а с окончанием *-hi* – “ставить” (*tehi*). Это объясняется тем, что значение “сказать” в этом корне выражает, как правило, аорист: церк.-слав. *ѣхъ* “он сказал”, алб. *thom* < **dhē-m-* “говорю”. Возможно, глаголы типа хет. *danattezzi* происходят от формы аористного типа, к которой присоединились окончания презенса. Инхоативное же значение глаголов на *-es-*, *-esk-* связано с суффиксами *-s-*, *-sk-* (о них см. ниже).

3.3. Семантику глаголов на *-ē-* можно охарактеризовать так: момент достижения какого-либо состояния, их презентные вариации – само состояние, следующее за этим моментом. Иными словами, для их описания подходят модель трехфазового описания Ю.С. Степанова [Степанов 1989]: I фаза – устремление к состоянию (“я падаю, падаю...”), II фаза – момент достижения состояния, или критическая точка (“я упал”), III фаза – состояние после “критической точки” (“я лежу”). И вполне закономерно, что лат. *iacere* обозначает именно третью фазу. Ср. лит. *aūti* (*aūna*, *āvē*) “обувать” – *avėti* (*āvī*, *avėjo*) “носить (обувь)”, *dėti* “класть, ставить” – *dėvėti* (*dėvi*, *dėvėjo*) “носить (одежду)” (ср. к семантическому развитию русск. *о-дѣть*, *на-дѣть*), *stóti* “становиться” – *stovėti* (*stóvi*, *stovėjo*) “стоять”²¹. Праславянское **sluxio* – **sluxē-ti* подразумевает аорист **sluxē-t* “он услышал”, произведенный от простого корня *slouiti* “слыть”. Результативом же от него является **slouxēio* > *slouxiati*. Аналогично от лит. *lįsti* (презенс *lėnda*, претерит *lįndo*) “лезть” образован результатив *lindėti* (през. *lindī*) “торчать”. Вообще значение результативности является одной из важных характеристик глаголов на *-ē-*.

3.4. В заключение нашего экскурса скажем несколько слов о происхождении данного суффикса. На наш взгляд, его реконструкция как **-eh₁-* избыточна. В действительности это, вероятно, результат так называемой “двойной тематизации”. Это явление было открыто А.А. Белецким [Белецкий 1955], чьи выводы дополнил О.С. Широков [Широков 1981]. Исследователи отмечали, что многие флексии в индоевропейских языках приводят к “тематизации” основ. Так, атематический генитив *-ōs* формально идентичен тематическому номинативу *-o-s*, а атематический датив **e_io* – тематическому локативу **e_e-i_o-i*

²¹ Шпехт [Specht 1935: 70] полагает, что элемент *-v-* унаследован этими глаголами от основы перфекта: др.-инд. *dadhau*, *tasthau*. Но ср. лит. *stōvas* “стояк”, который свидетельствует о том, что *-v-* может быть и именным суффиксом, и глайдом. В этой связи ср. русск. *став*, *ставить* (с каузативным суффиксом), лат. *in-staurare* “восстанавливать”, греч. *σταῦρος* “столб”, *στέω* “застывать”, где *-v-* не может быть перфектным.

(ср. др.-инд. *padé* “для ноги”, но *grhé* “в доме”). Присоединяясь же к тематическим основам, такие флексии становятся “вдвойне тематическими”, т.е. гласный в них удлиняется: ср. греч. дат. п. *λύκω*, др.-инд. *vṛkāy-a* “волку”. Аналогично в системе глагола соотносятся индикатив и конъюнктив: др.-инд. аорист *ákar* “он сделал”, презенс *asti* “он есть” – конъюнктивы *karat(i)*, *asat(i)*; от др.-инд. тематического индикатива *bharati* образуется “вдвойне тематический” конъюнктив *bharāti*. Долгий суффикс проникает и в атематическое спряжение: *asāti* (наряду с *asati*), ср. авест. *aṇhā’ti* и *aṇha’ti*. Претерит на *-ē-, с нашей точки зрения, есть результат аналогичной “двойной тематизации” тематического аориста. Эта форма выражает неактивность и результативность, свойственную тематическому аористу. Такое предположение подтверждается тем, что древнеиндийские ставивные презенсы на -ya-, как правило, коррелируют с тематическими аористами: *piśyati* “процветать” – вед. опатив аориста *piṣema*, *kúpyati* 1) “приходить в движение”; 2) “гневаться, сердиться” – *ákurat*, *túsyati* – *átuṣat*. Значение тематического аориста может быть различным, в том числе и переходным. “Вдвойне тематическая” глагольная форма более четко выражает свой круг значений.

3.4.1. Взаимоотношение различных основ глаголов можно представить в виде следующей таблицы:

Презенс	Аорист
*kupé-	*kupē- (<абстрактное имя/наречие *kupē?)
*kup-ié-	*kupé-
*kup-ié-	*kupē-
*rudhēie-	*rudhē- <абстрактное имя/наречие *rudhē

(Замечание: отглагольное имя в основе глаголов класса *i̯e/ə/-ē-* восстанавливается с меньшей уверенностью, чем для класса *-ēie/-ē-*.)

4. Как видим, общеиндоевропейский глагол отличается удивительным богатством основ, не меньшим, чем древнеиндийский и древнегреческий. Некоторые морфологические варианты выражают различные диатезы, другие имеют модальное значение. Но в целом все это изобилие заставляет предположить, что в праиндоевропейском глаголе была широко представлена категория способа действия. Специальные значения многих глагольных суффиксов элиминированы. Но не приходится сомневаться в том, что они могли выражать различные аспектуальные значения: длительность действия, стремление его к завершению и т.д. Во всяком случае, можно утверждать, что морфологическая система праиндоевропейского глагола на определенном этапе была очень богатой, – не менее, чем в древнегреческом и санскрите. Обилие суффиксов не позволяет допустить, что в праиндоевропейском существовала только темпоральная оппозиция. Итак, попробуем, основываясь на работах Бругмана и авторов LIV, выявить основные морфемы, образующие глагольные основы. В качестве префиксов выступают редулицирующие слоги, причем следует различать слоги с гласным *-i-*, с гласным *-e-*, и слоги, захватывающие часть корня. Первые более всего свойственны презенсам, вторые – аористам и перфектам, третьи – интенсивам. Гораздо богаче суффиксальная система, которая насчитывает следующие форманты: “смычные” суффиксы-детерминативы (*-k-, *kʰ-, *-g-, *-gh-, *-gʰ-); в той же роли, по-видимому, могут выступать все смычные согласные. Особняком стоят дентальные: *-t-, -d-, -dh-. Выше мы показали, что функция этих формантов вырисовывается более четко, чем у многих других. Они придают глаголу значение завершенности и/или стремления к пределу. Их происхождение – общее с суффиксами отглагольных причастий. В некоторых языках дентальные производные вошли в грамматическую систему глаголов. К ним восходит 1) оскский дентальный претерит и субъюнктив (оск. *dedikatted* = лат. *dedicavit* “посвятил”, оск. *tribarakattins* =

лат. *aedificaverint* “они бы построили”); 2) по-видимому, германский дентальный претерит²²; 3) так называемые куративные глаголы в литовском языке, обозначающие действие, к которому субъект побуждает других. Можно предположить, что дентальные детерминативы имеют общее происхождение с показателем ед. ч. глагола **-t-*: их общее значение – единичность деятеля или действия [Красухин 2004: 66–67].

4.1. Несколько особняком стоит назальный детерминатив. Он отличается от смычных тем, что стоит перед ними, образуя морфонологическую структуру **-néC/*-nC-*. Помимо смычных, к нему могут присоединяться детерминативы **-u-* и **-H-*. Поскольку новый комплекс оттягивает в “сильных” формах ударение на себя, то корень по всей парадигме находится в нулевой ступени. Он может присоединяться к глагольному корню и без других формантов: ср. приводившееся авест. *yenāti* “находить”, возможно, и греч. *δόκω* “кусать”, презенс, образованный от аориста *ἔδοκον* < и.-е. **dnk-* (ср. др.-инд. *daśati*).

4.2. Весьма разнообразен по форме и функции сигматический аффикс: **-és-/s-/s^é/ǵ/*Hs^é/ǵ*. Он образует презенсы, аористы, футурумы и дезидеративы. Сигматический презенс обозначает либо терминативное действие (др.-инд. *éti* “идти” – *eṣati* “приводит в движение”, *iṣṇāti*, *iṣyati* “посылать”), либо интенсивное, совершающееся с усилием (*bhāvatī* “становиться” – *bhuṣāti* “быть сильным”²³). Значение футурума и дезидератива вполне самоочевидно. Отметим также йотовый производный суффикс **-s-io-*, видимо, изосемантический **-so-*. Он представлен в древнеиндийском и балтийском футуруме (*bhaviṣyāmi* ≈ лит. *būsiu*, ср. единственный пример такого футурума в церк.-слав.: *быщѣще* “будущее”). Более распространен другой производный суффикс – **-sko-*. Ниже мы рассмотрим его значения более подробно. Близки к нему также суффиксы **-sto-* и **-sso-*, о которых также речь пойдет далее.

4.3. Йотовый суффикс, по-видимому, придавал глаголу значение длительности. Во всяком случае, у нас нет примеров его функционирования в презентной и аористной системе. Будучи изначально тематическим, он сочетался по преимуществу с нулевой ступенью корневого вокализма: таково большинство глаголов древнеиндийского IV класса: (*pṛsyati* “процветать”). По-видимому, более позднее явление – его распространение на глаголы с полной ступенью. Это – так называемое “мягкое” спряжение в литовском, противопоставленное презенсам с нулевой ступенью вокализма, суффиксом *-sta-* или инфиксом *-n-*: (*žmogūs mērķia (līnā)* “(человек) мочит (лен)” – (*līnas mīrksta* “(лен) мокнет”, (*vaikas kēlia (raūkā)* “(человек) поднимает (руку)” – (*vėjas kyla* (< **ki-n-la*) “(ветер) поднимается”). Возможно, переходные глагольные формы восходят к атематическим (ср. др.-инд. *hanti* “бить, ударять”, хет. *kuenzi* то же – греч. *θείω*), от которых они и унаследовали ступень вокализма. Йотовый суффикс может также присоединяться к окситонной основе, образуя каузативы и итеративы: **bhoré-* “несущий” + *-io-* > **bhoréio-* “быть несущим > носить регулярно; побуждать нести”. Связь значений итеративности и каузативности прослежена Б.А. Серебренниковым на материале многих языков и отнесена к числу фреквенталий [Серебренников 1974]. Древнеиндийские деноминативы образовались путем позднего передвижения акцента (не приведшего к изменению вокализма). По-видимому, оно служило для различения деноминативов и итеративов, когда последние утратили свою собственно отыменную функцию.

4.4. Авторы LIV и их предшественники [Rasmussen 1993] представили интересные аргументы в пользу того, что суффикс инактивных глаголов (названных ими фиентивами) содержит в своем составе ларингал и должен восстанавливаться как *-Hi^é/ǵ*. Но, как мы уже отмечали, удлинение, предполагающее наличие ларингала, имеет место не во всех

²² Как известно, другие гипотезы связывают слабый претерит в германском с вспомогательным глаголом **dhe-*: гот. *habaidedun* < и.-е. **cape-* + **dhedhont* “они установили владение” [Hirt 1908: 201] или же с переразложением формы типа 2 л. ед. ч. гот. *habaida* < и.-е. **cape-thes*, где флексия подобна окончанию 2 л. медиального претерита в др.-инд. *-thas* [Krause 1953]. Но Э.А. Макаев показал, что слабый претерит в древнегерманских языках свойствен по большей части отыменным глаголам, и это делает наиболее вероятным его связь с причастием [Макаев 1977].

²³ Того же корня и общеслав. *bystrъ* < и.-е. **bhus-ro*.

корнях. Поэтому, очевидно, здесь следует предполагать наличие дублетов $*i^{\acute{e}}/\delta^-$: $*H^{\acute{e}}/\delta^-$, аналогичное дезидеративным $*s^{\acute{e}}/\delta^-$: $*Hs^{\acute{e}}/\delta^-$. Инактивное значение объясняется окситонезой основы – ударностью тематического гласного. Что же касается $*-ē-$, то, как мы отмечали, нет нужды восстанавливать ларингал для объяснения его долготы. Отметим еще один формант, возможно, связанный с йотовым суффиксом. Это показатель пассивного аориста: др.-инд. *āpādi* “он упал”, *āsṛāvi* “он был услышан”, арм. *berim* “я принесен”. По мнению многих авторов [Schmidt 1985; Jasanoff 1979], в основе этих форм лежит все тот же йотовый показатель, подвергшийся редукции в результате рецессии ударения. Древнеиндийский же пассивный аорист унаследовал ступень *o* от инактивного перфекта. Согласно этой точке зрения, его развитие следует представить так: $*klu-i^{\acute{e}}/\delta^-/klou-i^{\acute{e}}/\delta^- \rightarrow klou-i$ (под влиянием аориста $*kleu-t$, др.-инд. *āsrot*). Впрочем, имеются и другие точки зрения. С. Инслер [Insler 1970] сравнивал форму пассивного аориста с 1 л. медиального аориста (др.-инд. *ākri* “я сделал для себя/был сделан” – *ākāri* “он был сделан”) и видел в форманте *-i* след ларингала (не объясняя, правда, каким образом показатель 1 лица $*-H-$ мог перенестись на третье лицо). Т. Барроу [Барроу 1976] полагал, что в основе пассивного аориста лежит именная форма: ср. греч. τρέφω “кормить” – τρόφις “огромный < выкормленный”. Свод мнений см. в [Kümmel 1996].

5. Теперь рассмотрим морфологические механизмы образования различных презентов и прочих производных времен. Собственно говоря, они были достаточно четко описаны Кёйпером [Kuiper 1937]. Первичные корни имели структуру CVCV- (с редукцией безударных: CVC_v-/C_vCV-)²⁴, суффиксы – CV-; при присоединении суффикса к корню ударение смещалось на суффикс. Схематически можно описать этот процесс так: CVC_v- + -VC- → C_vCVC- (CCVC). По мнению Кёйпера, корни с подобной структурой характеризовали презенс, тогда как в аористе происходила рецессия ударения: CCVC- → CVCC-. Это положение иллюстрируется сопоставлением и.-е. $*ter-$ “двигать(ся)” → $*trés-$ “дрожать, пугаться” (др.-инд. *trásate*, греч. τρέω) → $*térš-$ (примеры см. выше). Согласно закону правостороннего акцентного сдвига [Красухин 1998], сдвиг ударения направо придает глагольной форме значение непереходности, неконтролируемости процесса субъектом, нереальности события (потенциальности или долженствования) или пассивного результата. Иногда это значение появляется и в данной подсистеме: и.-е. $*genH-$ “рожать” (др.-инд. *janáyati*, лат. *gigno*) – $*gṇH^{\acute{e}}/\delta^-$ “рождаться” (др.-инд. *jāyate*, греч. γίγνομαι) – $*gṇ^{\acute{e}}/\delta^-$ “знать” (др.-инд. *ṛṇóskw*); $*nek-$ “нести, двигать” (церк.-слав. *несж*, лит. *nešti*, ср. греч. ἵνευκον) – $*ṇk-ē-$ “достигать” (др.-инд. *āśnóti* < $*ṇk-n-ēu-ti$, аорист *āsta*). Следует заметить, что др.-инд. глагол в полной ступени *násati* не является полностью переходным: он означает “достигать, встречать”. Но, в отличие от *āśnóti*, он всегда имеет при себе указание на лицо или предмет, которого достигает субъект. В основном передвижение здесь акцента не образует диатезных различий. Оно носит уже иной характер. Его функцию можно определить так: противопоставление недетерминированных форм детерминированным, немаркированным – маркированным. Морфема, присоединяющаяся к корню справа, и носит детерминирующий характер, подчеркнутый передвижением на него ударения. При этом передвижение акцента за морфему, на тематический гласный сохраняет свое диатезное значение: так формируются тематические аористы, которые в древнегреческом и литовском нередко непереходны и указывают на неконтролируемое событие. Такое понимание детерминированной формы отличается от предложенного Я. Сафаревичем [Safarewicz 1965] как морфологическое от семантического. По мнению польского исследователя, детерминированный презенс указывает на стремление действия к завершению. Следует отметить, однако, что большинство глагольных детерминаторов придает корню именно такое значение – перфективность в претерите, терминативность в презенсе. Между маркированностью плана выражения и плана содержания существует несомненная параллель.

²⁴ C – согласный, V – полновзвучный гласный, v – редуцированный.

5.1. Очевидно, формирование диатезных оппозиций в чистых глагольных основах, составивших так называемую аблаутно-акцентную парадигму [Красухин 2004: 347–349], произошло в иное время, чем аспектуальных. Для определения их относительной хронологии целесообразно вспомнить другие примеры окситонезы, не подчиняющиеся Закону Правостороннего сдвига, к примеру, флексии множественного числа имени и глагола: и.-е. **péd-s* “нога” – мн. ч. *pódes* > **pedés/podés* (др.-инд. *pát* – *pádah*, греч. *ποῦς* – *πόδες*); и.-е. **éi-m-i* “идти” – 1 л. мн. ч. **i-mé-s/-n* (греч. *εἶμι* – *ἴμεν*, др.-инд. *émi* – *imáh*). В литературе нередко высказывалось вполне аргументированное мнение о том, что флексии мн. ч. сформировались позже, чем ед. ч. ([Тронский 1946]; некоторые дополнительные аргументы см. [Красухин 2004: 47–48]). Следовательно, детерминирующая функция ударения сформировалась после того, как закон правостороннего акцентного сдвига перестал действовать. Таким образом, период оформления аспектуальных оппозиций, когда ударение еще оставалось силовым (редукция безударных), но утратило одно из своих важных значений, непосредственно следовал за периодом аблаутно-акцентной парадигмы.

6. Теперь, рассмотрев морфологию глагольных аффиксов, вернемся к тому, с чего мы начали работу: каково было их значение. Рассмотрим основные аргументы Семеренки и Шмитт-Брандта против реконструкции аспектов в праиндоевропейском. Оба исследователя утверждают, что категория аспекта чужда большинству индоевропейских языков. Она актуальна только для древнегреческого и славянских языков, причем славянский вид – по-видимому, позднее явление. Его развитие явно связано с префиксацией, т.е. данная категория здесь не может быть архаичной²⁵. Во всех же остальных языковых группах темпоральные оппозиции не выражают аспектуальных противопоставлений. На наш взгляд, это справедливо лишь отчасти. Так, в хеттском языке налицо оппозиция, напоминающая видовую. Презенс на *-sk-*, регулярно образующийся от любой глагольной основы, выражает действие повторяющееся, длительное или хабитуальное, в противопоставлении простому презенсу, не имеющему такого значения. В хеттском претерите противопоставлены по крайней мере три формы. Синтетический претерит (*iian-nin* “я сделал”) нейтрален в видовом отношении, он выражает общефактическое значение. Претерит, образованный с помощью так называемого супина II (отглагольного имени с суффиксом *-uan-#*) и вспомогательного глагола *da-* “ставить”/ *tiia-* “делаться” обозначает начинательность: E^{MES} *SUNU karipuiuan dair* (BoTU 23 A 21 f.) “ваши дома они уничтожать стали”. Наконец, перфект, т.е. претеритальное причастие + вспомогательный глагол *har-* “иметь, держать” имеет значение завершенного действия (*iian harzi* “сделал, завершил дело”). Конечно, эта аспектуальная система не до конца грамматализирована. Так, сочетание супина с вспомогательным глаголом в настоящем времени передает презентное событие, тогда как перфект относится к сфере сугубо прошлого: связка в настоящем времени образует собственно перфект, а в прошедшем – плюсквамперфект. Трудно согласиться также с утверждением об отсутствии аспектуальных отношений в латыни. Разница между перфектом и имперфектом заключается в том, что первый указывает на действие, ограниченное во времени, второй – на неограниченное [Тронский 1960]. Из этих базовых значений развивались и иные. Так, имперфект мог обозначать повторяющееся действие (лат. *cotidie accusabam* “я обвинял каждый день”, – Тер. Неаут. 102) или событие, вошедшее в обычай (*optumi quique expectabant a me doctrinam sibi* “все самые лучшие ждали от меня урока для себя”, – Plaut. Most. 155). Л. Палмер указывал на то, что латинский имперфект может обозначать и действие, переживаемое говорящим, тогда как перфект отражает окончательно завершенное к моменту речи событие: *lacrumans tacitus auscultabat* (Plaut. Bach 983) “он молча слушал, плача”, но *fuius Troiani, fuit Ilium* “были (когда-то) мы троянцами, был (когда-то) Илион” [Palmer 2000:

²⁵ По мнению В.И. Абаева [Абаев 1965: 70], развитие перфективирующего значения в славянских префиксах связано с иранским влиянием: в древнеперсидском и авестийском языках подобное значение еще неявно, а в осетинском оно выражено так же резко, как и в славянских.

334–336]. В балтийских языках присутствует категория так называемого многократного претерита: лит. *jis dirbo* “он (по)работал” (нейтральный в видовом отношении глагол) – *jis dirbdavo* “он работал (долго и много)” [Грамматика 1985: 213–214]. Если согласиться с М.М. Маковским [Маковский 1955; 1959] и цитируемым Семереньи мнением В. Скалички о том, что германский префикс *ga-* вовсе не аспектualен, то можно прийти к выводу о том, что только в германских и, возможно, кельтских языках отсутствуют аспектualные оппозиции в глаголе. Таким образом, главный аргумент против существования аспектных отношений в праиндоевропейском языковом состоянии оказывается недостаточно убедительным.

6.1. В отличие от двух названных исследователей, А. Эрхарт кладет аспектualную оппозицию на основу своей реконструкции глагольной системы [Erhart 1989]. Со свойственным ему изяществом выдающийся чешский лингвист сводит всю систему аспектов к трем основным семам: перфективность (завершенность) – дуративность – итеративность²⁶. Тем самым устанавливается изоморфизм глагольного аспекта и подсистем числа в глаголе и имени: перфективность соответствует единичности, дуративность – нейтральности²⁷, итеративность – множественности. Это сопоставление тем более instructивно, если учесть, что система окончаний чисел и глагольных детерминативов формировалась, как мы отмечали, в одно время. Большинство глагольных детерминативов, по мнению А. Эрхарта, придавали корню именно перфективное значение, но их комбинация, как правило, обращала глагол в итератив. Часть итеративов утрачивала свое специфически мультипликативное значение, превращаясь в простые дуративы. Как мы уже упоминали, именно подобным образом А. Эрхарт объясняет функционирование назальных презенсов. Это настолько важная идея, что представляется необходимым ее дополнить.

6.1.1. Суффикс **-sk-*, по блестящей догадке Бругмана, является составным по происхождению. И если сигматический суффикс широко известен и распространен, то **-k-* представлен значительно меньше. Его можно диагностировать в греческих аористах типа ἔθηκα, ἔδωκα, ἤκα. То обстоятельство, что здесь он встречается только в единственном числе, побудило некоторых исследователей видеть в нем чисто фонетический элемент: **dheH-m > *dhēk-m*, но подобный фонетический процесс выглядит совершенно неубедительно: после ларингала сонанты в греческом не приобретают слогового качества. Подобный процесс предполагался для перфекта, где глайд мог возникнуть на стыке двух ларингалов (**dhe-dheH-He >* греч. τέθηκα), но предположить влияние основы перфекта на аорист у нас нет оснований. Суффикс *-k-* встречается и в именах: греч. θήκη “склад” = др.-инд. *dhākā*; то же можно сказать о **-sk-*: лат. *esca* = лит. *eskā* “еда” (< **ed-ska*). Основные функции данного суффикса следующие.

(1) Итеративность. Ярче всего она проявляется в греческих имперфектах с суффиксом *-σκ-*: ἦν “я был” – ἔσκειν “я бывал, находился”, ἔφευγον “я бежал”, ἔφρουγον “я убежал” – φεύεσκειν, φύεσκειν “я бегал”. Как мы упоминали, итеративное значение он имеет и в хеттском, но здесь картина несколько иная [Dressler 1968]. В хеттских законах он часто употребляется в хабитуальном значении: *daskir* “(обычно) брали”, *peskir* “(обычно) давали”. Ср. еще: хет. *suppalanna hannessar issit kui[ē]s ŪL memiskanzi* (KUB 30.11 + 31.135 Vs. 12) “ты принимаешь решения по судебным делам животных, которые не говорят”.

²⁶ Следует отметить, что подобные классификации были известны в русской грамматической традиции. К примеру, А.А. Потебня [Потебня 1941] различал глаголы совершенного, несовершенного и множественного видов.

²⁷ Нейтральность в имени и глаголе – особая категория, противопоставленная как единичности, так и множественности. Она означает, что предмет представлен в виде недискретной, но и не континуально всеохватывающей сущности. Ср. русск. *снег* – нейтральный предмет, *снежинка* – дискретный, *снегá* – так называемое континуальное множество, могущее быть интерпретированным так: “пространство, целиком заполненное снегом”. Аналогичный ряд образуют *песок* – *песчинка* – *пески* и некоторые другие имена, обозначающие предметы, делимые на однотипные единицы.

Иногда глагол на *-sk-* описывает единичную ситуацию, следовательно, его нужно трактовать скорее как интенсив: хет. *nu mān handān ammel DUMU.MUNUS.YA sanhiskisi* (VBoT 2 Vs. 7–8) “если ты действительно доискиваешься моей дочери”²⁸.

(2) В латыни производный от него суффикс *-esc-* придает глаголу значение начинательности: *albesco* “белеть, становиться белым” – *albeo* “быть белым” (*albus* “белый”), *rubesco* “становиться красным” – *rubeo* “быть красным” (незасвидетельствованное исконно лат. **rubus* < **roudhos* заменено сабелльским заимствованием *rufus*; ср. *ruber* “рыжий”, *rubigo* “ржавчина”). Помимо этих отыменных глаголов, имеются и производные от первичных глаголов с суффиксом *-sc-*: лат. *creare* “творить” – *crescere* “расти” (тот же корень с простым сигматическим суффиксом представлен в слав. *кресати*, *кресити* “зажигать огонь”). Примечательно, что ту же роль в хеттском выполняет суффикс *-es-*, образованный, подобно *-esc-*, из долгого *-e-* и сигматического суффикса: *danatta-* “пустой” – *danattesz-* “пустеть”, *tepu-* “маленький” – *tepuuesz-* “уменьшаться”, *palhi-* “широкий” – *palhesz-* “расширяться”.

(3) Суффикс **-sk-* образует презенс от аористных корней, как правило, тематических или корневых. В древнегреческом эти глаголы образуют VII класс: *ἔβην* – *βάσσω* “приходить”, *ἔμολον* – *βλώσσω* то же, *ἔδραν* – *διδράσσω* “убегать”, *ἔθανον* – *θνήσκω* “умирать”, *ἔκαλεσα* – *κικλήσκω* “звать”, *εὔρον* – *εὐρίσκω* “находить” и др. Ср. др.-инд. *agāt* – *gachati* (= *ἔβη* – *βάσσω*), *arṣat* – *ṛchati* “идти” и т.д.

(4) Этот суффикс может образовывать аористы: армянский так называемый цойный аорист типа *berikʿ* возводится к **bher-isk-et*.

(5) В тохарском В данный суффикс образует каузативы (см. ниже).

(6) В законах XII таблиц встречается глагол *escit* “будет”. Его значение можно определить как указание на нереперентное время: он употребляется в протасисе, указывая на возможное, но не обязательно наступающее событие: лат. *si furiosus escit* (V 7) “если он будет безумным”. В этой функции употребляются также модальные формы на *-s* (лат. *faxit* “(если) сделает”, *clepsit* “(если) украдет”) и футурумы I и II (лат. *habebit*, *fecerit*). Б. Дельбрюк [Delbrück 1897: 64] полагает, что в трех контекстах у Гомера глагол ἔσκει имеет значение долженствования: *ἐπεὶ σφισιν ἔρμα πόλῃος // ἔσκε, καὶ ἀλλοδαπὸς περ ἐὼν* (Ил. XVI 549–551) “ведь для них он был опорой города, даже и будучи чужим”; *οὐ γὰρ μείλιχος ἔσκε πατὴρ τεὸς ἐν δαὶ λυγρῇ* (Ил. XXIV 739) “не был добрый отец на печальном пире”; *ἐν δὲ γυνὴ ταμίη νύκτας τε καὶ ἡμῶρ // ἔσχ', ἥ πάντ' ἐφύλασσε νόου πολυδρεΐησιν* (Од. II 345–346) “там была дни и ночи ключница, которая все охраняла мудростью своего ума”. В случаях (1) и (3) можно видеть оттенок долженствования, а в (2) – невозможности. Дельбрюк осторожно предполагает, что эта слабая модальность и могла быть первичным значением глагола ἔσκειν, так что свое итеративное значение глагол приобрел только по контрасту с ἦν. Нам это представляется сомнительным: ведь долженствование и невозможность приписываются данным формам только исходя из контекста: на их месте могли стоять и иные глаголы. Наличие же простого индикативного имперфекта в (3) подтверждает комбинаторную обусловленность модального значения.

6.1.2. Как можно видеть, значительная часть функций суффикса **-sk-* роднит его с сигматическим суффиксом, а именно функции (2–6). Ср. сигматический презенс от асимматического аориста: греч. *ἀλέξω* “защищать” (= др.-инд. *rakṣati*) – ἡλαλκον. Каузативность же сигматического суффикса проявляется в древнегреческом: *ἔδυσα* “я погрузил” – *ἔδυν* “я погрузился”, *ἔστησα* “я поставил” – *ἔστην* “я встал”, *ἔβησα* “я отправил” – *ἔβην* “я пошел” и т.д. (см. также 0.2). Это дополнительное значение суффикса становилось предметом дискуссий: одни исследователи полагали, что это – исконная функция суффикса [Kretschmer 1949], другие подчеркивали ее преходящий и сугубо факультативный характер [Перельмутер 1977: 70]. Мы же отметим, что каузативная функция развивается и в итеративах: др.-греч. *φορέω* “носить” (*φέρω* “нести”), но *τρέμω* “пугать” (*τρέμω*

²⁸ На некоторые из этих примеров обратил мое внимание А.В. Сидельцев.

“дрожать”). Итак, суффиксы *-s/-sk-* могут совпадать во всех значениях, кроме итеративного. Хорошо известен и их параллелизм на лексико-морфологическом уровне: лат. *pasco* “пасти”, тох. В *pask-* “охранять” – русск. *насти*, хет. *pahsai* “наблюдать”, тох. А. *pas-*. Отметим также, что другие суффиксы, производные от *-s-*, могут выполнять сходные с ними функции. Так, суффикс *-st-* образует презенс от непереходных корней в нулевой ступени вокализма в балтийских языках (ср. лит. *mėrkia* “он сыплет”, претерит *mėrke*, но лит. *mirksta* “сыплется”, претерит *mirko*). В лувийском языке известен итеративный презенс на *-ss-*, строго соответствующий хеттскому *-sk-*; аналогично каузатив на *-s-* в тохарском А соответствует тохарскому В каузативу на *-sk-*.

Ж.-П. Леве [Levet 1975] отмечал в этой связи, что глаголы на *-st-* встречаются и в тохарских языках: А *kārst*, В *kārst* “резать”, ср. хет. *karaszi*, греч. κεῖρω то же. Интересно отметить, что тохарские глаголы образуют назальный презенс: ср. форму 3 л. ед. числа презенса тох. А *kārsnās*, В *kārsnāt*. Это напоминает чередование суффикса *-st-* и назального инфикса в литовских терминативных глаголах.

6.2. Вообще, сигматический аффикс играл очень большую роль в системе тохарского глагола. С его помощью образованы презенсы VIIa и VIIb в обоих тохарских языках; а с помощью суффикса *-sk-* – IXa и IXb-классы, а также (с назальным инфиксом) – классы Xa и Xb. О. Хакштейн подчеркивает разнообразие форм презенсов VIII. Во-первых, в тохаристике принято различать презенсы VIIa и VIIb. Морфология самих презентных форм не дает оснований для четкого различия. Поэтому классификация основывается на различных валентностях: глаголы класса VIIa сочетаются с конъюнктивом I (тох. А индикатив *ersām* “звать”, конъюнктив *ertar*), а глаголы VIIb – с конъюнктивом II (тох. А индикатив *raksau* “укрывать” – конъюнктив *rāsām*)²⁹. Значительная часть этих глаголов каузативна в том смысле, что образует переходные презенсы от непереходных корней: тох. А *krämpetār* “разрушается” – *kramsām* “он препятствует”, *pālk-* “гореть” – *pālksām* “жечь, мучить”, *rākojentār* “они бы укрылись” (презенс оптатива) – *raksau* “я укрываю”. Такое же значение может иметь и суффикс *-sk-*: *cukemar* “я скрываюсь” – *tukästār* “он скрывает”, *rittetār* “быть связанным” – *rittāskau* “я связываю”. По большей части сигматические глаголы отражают нулевую ступень корневого вокализма. Это их отличает от таких сигматических глаголов, как греч. ὄξω “расти”, ἔψω “варить”. Но аналог ὄξω – тох. А презенс IXa *auksāssām* (с конъюнктивом IV *auksi-*), по мнению О. Хакштейна [Hackstein 1995: 160], – единственный пример глагола с полной ступенью вокализма. По-видимому, в конечном итоге сигматические тохарские презенсы происходят из тех же окситонных вариантов сигматической глагольной основы, что и древнеиндийские дезидеративы: суффикс *-s^h/o* в одном случае развил модальное значение, в другом – утерал собственные тематическим формам специфические черты. Некоторые авторы сравнивали их с конъюнктивами аориста; если речь идет о древнейшей форме конъюнктива с нулевой ступенью, то такая реконструкция идентична вышеприведенной.

6.2.1. Что же касается их каузативного значения, то Хакштейн полагает, что оно развилось по аналогии с претеритом. Активный тохарский претерит в 3 л. ед.ч. оканчивается на *-s*; он противопоставлен медиальным непереходным формам: *nākat* “он погиб” – *nakās* “он погубил”, *lyokāt* (“ночь вдруг” засияла) – *lyokās* “он осветил”. По аналогии сигматический аффикс и в презенсе стал транзитивирующим. Эти данные представляют немалый интерес для нахождения истоков сигматического аффикса. Дело в том, что окончание *-s* в третьем лице претерита в хеттском характеризует глаголы спряжения на *-hi*, часть которых непереходна. Ср. хет. *arais* “поднялся” – *arāt* “поднял”³⁰. Именно по-

²⁹ Различие между конъюнктивами I и II заключается в том, что первый уподобляется атематическим глаголам, второй – тематическим [Krause 1952: 117–122]. Конъюнктив, подобный тематическому презенсу, унаследовал свои функции от праиндоевропейского языкового состояния. Атематический же конъюнктив, по мысли Дж. Ясанова [Jasanoff 1992], восходит к перфекту: инактивные формы часто получают модальное значение.

³⁰ Но при желании можно найти и обратное соотношение: хет. *pais* “он взял” – *pait* “он пошел”.

этому К. Уоткинс [Watkins 1962] и Ф. Бадер [Бадер 1989] полагали, что суффикс *-s-* был связан со сферой медиа. Но этому противоречит его каузативная функция, примеры которой приведены в 6.1.2. Не углубляясь в проблему, отметим, что Д. Ринге [Ringe 1990] восстанавливает наличие суффикса *-s-* во всей парадигме тохарского претерита, т.е., с его точки зрения, здесь представлен полноценный сигматический аорист. Вопрос о связи суффикса *-s-* с диатезной оппозицией требует специального исследования.

6.3. Таким образом, из представленного материала можно сделать следующие выводы. 1. Комбинация глагольных аффиксов действительно получает значение множественности действия, которая противопоставлена единичности. 2. Данная оппозиция, как и любая другая, может нейтрализоваться. Одним из вариантов нейтрализации может быть отмеченная А. Эрхартом “деградация”, т.е. превращение итеративов в простые дуративы. 3. Однако этим изменения значений не ограничиваются. Дальнейшим сближением в семантике перфективных простых суффиксов и итеративных комбинированных является развитие у последних терминативного или инхоативного значения, т.е. указания на возможный предел действия. Оно, как мы отмечали, особенно характерно для лат. *-esc-* и параллельного ему хет. *-es-*. 4. Терминативный презенс легко переходит в футурум. Это можно считать грамматической фреквенталией. 5. Наконец, оппозиция может полностью нейтрализоваться, и составные суффиксы приобретают перфективное значение.

7. Итак, как же все-таки решается вопрос об аспектах в праиндоевропейском языковом состоянии? Думается, можно согласиться с авторами LIV в том, что перечисленные аффиксы выражали не аспектные отношения, а обозначали различные способы действия. Но следует обратить внимание на то, чем аспект отличается от способа действия. Э. Хофман [Hoffmann 1955] подчеркивал, что аспект – это принадлежность только глагольной морфологической системы, тогда как способ действия может выражаться различными средствами – как грамматическими, так и лексическими, и может характеризовать не только глаголы (сам Хофман исследовал с этой точки зрения литовские звукоподражательные и звукоизобразительные частицы). Можно сказать и так: аспект – это сугубо грамматическая категория, а способ действия – скорее лексическая и словообразовательная. В чем здесь разница? Вообще, вопрос о грамматичности той или иной категории имеет большое методологическое значение. В последние три десятилетия одной из популярнейших в исторической лингвистике стала тема грамматикализации (см. две обобщающие работы [Heine, Kuteva 2002; Norpeter, Traugott 2003]: эти авторы рассматривают грамматикализацию как превращение полнозначных слов в служебные показатели, следуя традиции, заложенной А. Мейе [Meillet 1912]). Но грамматикализацию можно понимать и шире – как внедрение любого языкового элемента в грамматическую систему, придание ему грамматического значения. Грамматическое же значение определяется следующими факторами. Словоизменительная граммема должна соединяться со всеми словами определенного класса (если в языке есть склонение, то все имена соединяются с падежными граммемами, не исключая и несклоняемые³¹ и т.д.), значение словоизменительного аффикса обычно узко, он выражает не собственно значение, а грамматическое отношение. Словообразовательный аффикс присоединяется не ко всем словам того класса, где он функционирует, он указывает на модификацию лексического значения, и его семантика, как правило, довольно неопределенна. И под грамматикализацией того или иного языкового элемента можно понимать приобретение им черт словоизменительного показателя.

7.1. Вопрос о строгом различении аспекта и способа действия подробно не рассматривался в научной литературе. Примечательно, что термин “Aktionsart” даже не упомянут

³¹ Именно поэтому мы употребляем здесь термин “граммема” как указывающий на определенное отношение, а не “аффикс” – формальный показатель. Падежные окончания в русском языке не присоединяются к несклоняемым словам, но падежная форма этих слов ясна в контексте (*кофе крепко*; *я выпил кофе* и т.д.).

в классической работе Б. Комри [Comrie 1976]. С нашей точки зрения, критерием грамматичности является укорененность аспекта в систему времен. Имеется в виду то, что, по крайней мере, в индоевропейских языках а) каждая временная глагольная основа имеет и какое-то аспектуальное значение; б) аспектуальные значения могут проявляться не во всяком времени. Так, совершенный вид и близкие ему значения в древнегреческом и латыни возможны только в претеритальных формах. Основа совершенного вида при присоединении к ней показателей презенса указывает на наступление какого-либо события. Такое значение довольно широко распространено в церковнославянском, древнерусском и языке русского фольклора. Ср. церк.-слав. *милъ ми еси народо съ ѣко юже три дъни присѣдѣтъ мнѣ* (Лк., Мар.ев. VIII) “милы мне эти люди, которые садятся кругом”; *Обвернется* Волхъ яснѣм соколом, // [В]звился он высоко по поднебесью [Кирша 1977: 35]; *А и стал он татаринѣм помахивати*, // *Куды ль махнѣтъ* – тут и улицы лежат, // *Куды отвернет* – с переулками... *И только Илья слово выговорил*, // *Оторвется* голова ево татарская, // *Угодила та глава по силе вдоль*, // *И бьет их, ломит, вконец губит* [Кирша 1977: 133]. Приведенные контексты показывают, что такое совершенное настоящее время указывает на наиболее драматические, значимые события. В частности, оно часто возникает при описании сражения. В современном русском языке такая семантика у этой морфологической формы сохранилась в экспрессивной речи; начинательность выражается союзом *как*: *а он как крикнет!* Однако главное значение совершенного вида в презенсе – это будущее время, что было значительно менее свойственно древнерусскому языку. Можно полагать, что перед нами – две стадии грамматикализации аспекта. На зрелой стадии терминатив превращается в отдельное грамматическое время – футурум.

7.2. Исходя из этого, попробуем определить характер глагольной системы в праиндоевропейском. Очевидно, система способов действия стала превращаться в аспектуальную тогда, когда сформировалась категория аориста как основы, соединяющейся только с вторичными окончаниями, т.е. не допускающей перехода в презенс. Является ли такая категория архаичной? С одной стороны, мы убедились в существовании специфически презентных аффиксов (назального, йотового). С другой стороны, специальных показателей, которые были бы характерны только для аориста, не существует: сигматический суффикс, как мы могли убедиться, известен и в презенсе, и в футуруме. Соотношение типа др.-инд. *váhati* – *avakṣam* = лат. *veho* – *vexi* = церк.-слав. *вѣж* – *вѣсь* = греч. *ἔρχω* – *παύω* дезавуируется обратной корреляцией: *ἀλέξω* – *ἵλασκα*. Не имеет специфического аспектного значения редулицирующий слог, встречающийся во всех трех временных подсистемах: презенсе, аористе и перфекте.

7.2.1. Если же мы обратимся к морфонологии презенса и аориста, то можем отметить любопытное обстоятельство. Во многих корнях презенс с полной ступенью противопоставлен аористу с нулевой ступенью: др.-инд. *vetti* “знать” – *ávidat* “он нашел”, греч. *λείπω* “оставлять” – *ἔλιπον*, *φεύγω* “бежать” – *ἔφυγον*, *τρέπω* “поворачивать” – *ἔτραπον*, лит. *liēka* “он оставляет” – *liko*, *velka* “он тащит” – *vilkō*, слав. *берж* – *бърахъ*, *женж* – *гънахъ* и мн. др. С другой стороны, хорошо известно и обратное соотношение: презенс в нулевой ступени соответствует аористу в полной степени: церк.-слав. *за-вьрж* – *за-врѣти* “запереть”, *про-стърж* – *про-стърѣти*, *мърж* – *мрѣти* [Vaillant 1966: 187–189]. Хр. Станг вывел общий закон: славянским презенсам в нулевой ступени соответствует древнеиндийский корневой атематический аорист: *(за)-вьрж* – *ávar* “он схватил”, *стърж* – *ástar* “он развернул”, *жърж* – конъюнктив *garat*, *чъмж* – *acet*, тогда как презенсам в полной ступени соответствует атематические презенсы: церк.-слав. *держ* – др.-инд. *darṣi*, церк.-слав. *берж* – др.-инд. *bharti*, церк.-слав. *женж* – др.-инд. *hanti* [Stang 1942: 33–34]. В этой связи можно отметить, что от этих аористов образуются презенсы производные (как правило назальные), но при этом с нулевой ступенью корневого вокализма. Нередки колебания вокализма в одной основе: греч. *τρέφω/τρέφω*, *τέμνω/τάμνω*, *ρέζω/ράζω*; аористы *ἔτομον/ἔτεμον*. С нашей точки зрения, это однозначно свидетельствует о том, что связь аблаута с презентно-аористной системой вторична. Новая (по сравнению с категориями способов действия) категория аориста формировалась как противопоставленная кате-

гории презенса. В этих условиях происходила поляризация основы: в качестве аористной выбиралась наиболее отличающаяся от презентной. К этому следует прибавить, что апофонические чередования в презенсе и аористе свойственны глаголам с терминативной семантикой [Krasukhin 2003].

7.3. Отметим в заключение еще одно обстоятельство, свидетельствующее о вторичном различии презенса и аориста. Одна и та же основа в различных языках можетноситься к разным временам. Ср. греческий аорист ἐγύετο “стал, сделался” – древнеиндийский имперфект *ajanata*, так же соотносятся аорист ἔδοκον “я укусил” и имперфект *adaśat*. Иногда такие колебания возможны и в одном языке. Греч. κλύω “слышать” – аорист ἔκλυον; презенсу в полной ступени στείχω “шагать” соответствует аорист ἔστιχον, но у Софокла (Antig. 1128) засвидетельствована форма στίχουσι с основой, идентичной аористической. От аориста ἐλίτομην образован йотовый презенс λίσσομαι, но в гомеровских гимнах встречается презенс λίτομαι [Delbrück 1897: 99]. Свойственны такие колебания и древнеиндийскому: с аористами *ádhat̐*, *ádāt̐* связаны не только редулицированные, но и простые атематические презенсы *dhātī*, *dātī*. Они отличаются от аористов только первичными окончаниями. От аориста *amucat* образуется презенс *miñcāti* “оставлять, покидать”, но в Ригведе (V 62, 1) известен и презенс *vi mucānti*³². Также форма *agamat*, по мнению Дельбрюка [Delbrück 1897: 97], – аорист, но в Ригведе известен и презенс *gamanti*. Все эти данные свидетельствуют о вторичности распределения глагольных основ на презентные и аористные.

8. Таким образом, мы можем, наконец, ответить на вопрос о времени формирования аспектуальных оппозиций и правомочности их экстраполяции на праиндоевропейский уровень.

8.1. На самых ранних этапах праиндоевропейского языкового состояния система аспектов не реконструируется. В период, когда была актуальна аблаутно-акцентная парадигма и действовал Закон Правостороннего акцентного сдвига, доступна реконструкция только временная оппозиция. Оппозиция же глагольных основ носила диатезный характер.

8.2. По окончании действия этого периода в праиндоевропейском начала бурно развиваться система выражения способов действия, которая, однако, носила скорее лексико-семантический и словообразовательный, чем словоизменительный характер. В этой связи целесообразно вспомнить идею Ф.Р. Адрадоса о трех периодах праиндоевропейского. Первый период – корнеизолирующий праязык, лишенный внешних флексий. Второй период – политематический, т.е. язык с начавшей развиваться системой словоизменительных и словообразовательных показателей; отражен в анатолийских языках. Третий период – период развитой флексии [Adrados 1967]. С нашей точки зрения, первый период отличался прежде всего подвижным ударением; следующий же за ним период охарактеризован Адрадосом удивительно точно³³. Система способов действия (вернее, ее следы) богато представлена именно в хеттском.

8.3. Впоследствии произошла грамматикализация этой системы: претерит глаголов со значением завершения действия превратился в аорист, т.е. основу, не допускающую при себе презентных окончаний. Это и послужило началом формирования системы аспектов. Противопоставление презенса и аориста имеет место в греческом, индоиранских, армянском, славянских языках. Следы аористных корней обнаруживаются также в латыни, литовском и древнеирландском. Вопрос о таких же следах в хеттском и тохарских языках остается *sub iudice*. Но, думается, можно экстраполировать образование аориста на поздние этапы праиндоевропейского языкового состояния. Возможно, это был тот общеиндоевропейский период, который уже не являлся праиндоевропейским: родственные друг другу диалекты с общими тенденциями развития.

³² Если это не мн. ч. от незасвидетельствованной формы атематического глагола **mokti*.

³³ Далее мы выделяем (на базе изменения в системе акцентуации) не один, а еще три периода праиндоевропейского. Но в данном случае это не столь важно.

8.4. Наконец, – last, but not least! Изучая аспектуальные суффиксы индоевропейского глагола, мы могли убедиться в том, что большинство из них являются общими для глагола и имени. Возможно, этим может объясняться большое количество показателей аспекта. Ведь известно много различных суффиксов отглагольных имен со сходной структурой и значением: *-tó-, *-dhó-, *-mó-, *-ró-, *-ló- образуют прилагательные со значением результата действия и отношения к действию. Они и подобные им форманты в конечном итоге сформировали и показатели способа действия. Известный тезис Е. Куриловича – любой отглагольный глагол в конечном итоге является отыменным [Kurýłowicz 1964: 84] – может стать основой для дальнейших исследований в области реконструированной индоевропейской аспектологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1965 – В.И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Бадер 1989 – Ф. Бадер. Флексии сигматического аориста // НЗЛ. 1989. Вып. XXI: Новое в зарубежной индоевропеистике. М., 1989.
- Барроу 1976 – Т. Барроу. Санскрит. М., 1976.
- Белецкий 1955 – А.А. Белецкий. Современные задачи сравнительно-исторического языкознания // ВЯ. 1955. № 4.
- Гамкрелидзе–Иванов 1984 – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. I–II.
- Грамматика 1985 – Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- Кириша 1977 – Древние российские стихотворения, собранные Киришю Даниловым / Под ред. А.П. Евгеньевой и Б.Н. Путилова. М., 1977.
- Красухин 1998 – К.Г. Красухин. Акцентология в предистории индоевропейских языков // ВЯ. 1998. № 6.
- Красухин 2000 – К.Г. Красухин. Движение на оси времени и глагольное время // Вопросы филологии. 2000. № 4.
- Красухин 2001 – К.Г. Красухин. К этимологии греческого ΠΑΘΟΣ // Древние языки в системе университетского образования. М., 2003.
- Красухин 2004 – К.Г. Красухин. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М., 2004.
- Макаев 1977 – Э.А. Макаев. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
- Маковский 1955 – М.М. Маковский. Функции и значения глагольного префикса *ga-* в готском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
- Маковский 1959 – М.М. Маковский. К проблеме вида в готском языке // Уч. зап. I МГПИИЯ. Т. XIX. М., 1959.
- Откупщиков 1967 – Ю.В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
- Перельмутер 1977 – И.А. Перельмутер. Индоевропейский и греческий глагол. Л., 1977.
- Потебня 1941 – А.А. Потебня. Из записок о русской грамматике. Т. IV. М., 1941.
- Серебренников 1974 – Б.А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Сидельцев 1999 – А.В. Сидельцев. Среднехеттские глаголы с суффиксом *-sk-*: Дисс... канд. филол. наук. М., 1999.
- Степанов 1989 – Ю.С. Степанов. Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Тронский 1946 – И.М. Тронский. К семантике множественного числа // Уч. зап. ЛГУ. Л., 1946.
- Тронский 1960 – И.М. Тронский. Видо-временная система латинского глагола // Вопросы грамматики: Сборник в честь И.И. Мещанинова. Л., 1960.
- Широков 1981 – О.С. Широков. Современные задачи сравнительно-исторического языковедения. М., 1981.
- Adrados 1963 – F.R. Adrados. Estructura et evolución dal verbo indoeuropeo. Madrid, 1963.
- Adrados 1967 – F.R. Adrados. Zur Typologie der Indogermanischen // IF. Bd. 72. 1967.
- Bader 1968 – F. Bader. ΕΙΚΩΣ, ΕΟΙΚΩΣ et le parfait redoublé en grec // BSLP. V. 63. 1968.
- Bechtel 1936 – G. Bechtel. Hittite verbs in *-sk-*: A study of verbal aspect. Ann Arbor, 1936.
- Brugmann 1892 – K. Brugmann. Wortbildungslehre (Flexion und Stammbildungslehre) // K. Brugmann, B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. 2. Leipzig, 1892.

- Cardona 1963 – *J. Cardona*. The Indo-European sigmatic aorist. Yale PhD. Diss., 1963.
- Chantraine 1974 – *P. Chantraine*. Dictionnaire étymologique de la langue grec. V. III. Paris, 1974.
- Comrie 1976 – *B. Comrie*. Aspect. Cambridge, 1976.
- Delbrück 1897 – *B. Delbrück*. Syntaktische Forschungen // K. Brugmann, B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. 4. Leipzig, 1897.
- Dressler 1968 – *W. Dressler*. Studien zur verbalen Pluralität. Wien, 1968.
- Drinka 1999 – *B. Drinka*. The oldest Indo-European aspect-tense system // XIII International conference on historical linguistics / Ed. by D. Stein, M. Schmidt. Amsterdam; Philadelphia, 1999.
- Eichner 1975 – *H. Eichner*. Zur Vorgeschichte des hethitischen Verbalystems // Flexion und Wortbildung: Akten der V. Tagung der Indogermanischen Gesellschaft. Wiesbaden, 1975.
- Erhart 1989 – *A. Erhart*. Das indoeuropäische Verbalssystem. Brno, 1989.
- Georgiev 1975 – *V. Georgiev*. Die Entstehung der indoeuropäischen Verbalkategorien // Linguistique balcanique. Bd. 17. 1975.
- Hackstein 1995 – *O. Hackstein*. Untersuchungen zu den sigmatischen Präsensstambildungen des Tocharischen. Göttingen, 1995.
- Heine, Kuteva 2002 – *B. Heine, T. Kuteva*. World dictionary on grammaticalization. Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Hirt 1908 – *H. Hirt*. Zur Ursprung der indogermanischen Verbalkategorien // IF. Bd. 17. 1907.
- Hirt 1928 – *H. Hirt*. Indogermanische Grammatik. Bd. IV: Doppelung. Zusammenfassung. Verbum. Heidelberg, 1928.
- Hoffmann 1955 – *E. Hoffmann*. Zum Aspect und Aktionsart // Corolla linguistica: Festschrift F. Sommer. Wiesbaden, 1955.
- Hoffmann 1967 – *K. Hoffmann*. Der Injunktiv im Veda. Wiesbaden, 1967.
- Hopper, Traugott 1993 – *P. Hopper, E. Traugott*. Grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Insler 1968 – *St. Insler*. Origin of Sanskrit passive aorist // IF. Bd. 73. 1968.
- Insler 1970 – *St. Insler*. Sanskrit *ipsāti* and *irtsāti* // IF. Bd. 73. 1970.
- Jasanoff 1973 – *J. Jasanoff*. The Germanic third weak class // Language. V. 49. 1973. № 4.
- Jasanoff 1979 – *J. Jasanoff*. Notes on the Armenian personal ending // KZ. Bd. 93. 1979.
- Jasanoff 1992 – *J. Jasanoff*. Reconstructing morphology: the role of *o*-grade in Hittite and Tocharian verb inflection // Reconstructing languages and cultures / E. Polomé, W. Winter (eds.). Berlin; New York, 1992.
- Jasanoff 2003 – *J. Jasanoff*. Hittite and the Indo-European verb. Oxford, 2003.
- Krasukhin 2003 – *K.G. Krasukhin*. The Indo-European tense system and quantitative ablaut // XVI International Conference on historical linguistics. Copenhagen, 2003.
- Krause 1952 – *W. Krause*. Westtocharische Grammatik. Bd. 1: Das Verbum. Heidelberg, 1952.
- Krause 1953 – *W. Krause*. Handbuch der Gotischen. Heidelberg, 1953.
- Kretschmer 1949 – *P. Kretschmer*. Die objective Konjugation im Indogermanischen. Wien, 1949.
- Kuiper 1934 – *F.B.J. Kuiper*. Zur Geschichte der indoiranischen *s*-Präsentia // Acta Orientalia. V. 12. 1934.
- Kuiper 1937 – *F.B.J. Kuiper*. Die indogermanische Nasalpräsentien. Amsterdam, 1937.
- Kümmel 1996 – *M. Kümmel*. Stativ und Passivaorist im Indoiranischen. Göttingen, 1996.
- Kümmel 1998 – *M. Kümmel*. Wurzelpresens neben Wurzelaorist im Indogermanischen // HS. Bd. 111. 1998.
- Kuryłowicz 1964 – *J. Kuryłowicz*. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
- Levet 1975 – *J.-P. Levet*. Les présents en *-st-* en indo-européen: Les données tokhariennes // BSLP. V. 70. 1975.
- LIV 2001 – Lexicon der indogermanischen Verben / Hrsg. von H. Rix. Wiesbaden, 2001.
- Meillet 1908 – *A. Meillet*. Sur l'aoriste sigmatique // Mélanges F. de Saussure, Paris, 1908.
- Meillet 1912 – *A. Meillet*. L'évolution des formes grammaticales // Scientia. 1912. № 60.
- Meyer-Brügger 2004 – *M. Meyer-Brügger*. Zur idg. Sekundärwurzel **sued^h(h₁)-/*sued^h(h₁)-* // Indo-European word formation. Copenhagen, 2004.
- Narten 1968 – *I. Narten*. Zum "proterodynamischen" Wurzelpresens // Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European studies presented to F.B.J. Kuiper on his sixtieth birthday. The Hague; Paris, 1968.
- Palmer 2000 – *L. Palmer*. Die lateinische Sprache. Hamburg, 2000.
- Pisani 1932 – *V. Pisani*. L'allungamento dei nomi indoeuropei // RIGI. 1932. № 6.
- Rasmussen 1993 – *J.E. Rasmussen*. The Slavic *i*-verbs with an excursus on the Indo-European *ē*-verbs // Comparative-historical linguistics: Indo-European and Finno-Ugric: Papers in honour Oswald Szemerényi / B. Brogyani, R. Lipp (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Raucq 1947 – *E. Raucq*. Studie van de morfologie van het Indo-Europeesch verbum. Brugge, 1947.

- Ringe 1990 – *D. Ringe*. The Tocharian active *s*-Preterite. A classical sigmatic aorist // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. Bd. 51. 1990.
- Rix 1986 – *H. Rix*. Zur Entstehung des indogermanischen Modusystems. Innsbruck, 1986.
- Rix 2001 – *H. Rix*. Vorbemerkungen und Vorwort // *LIV*. 2001.
- Safarewicz 1965 – *J. Safarewicz*. Le présent déterminé et le présent indéterminé en indo-européen // *Studia linguistica in honorem Georgii Kuryłowiczi*. Wrocław, 1965.
- Schmidt 1985 – *K.H. Schmidt*. Die indogermanischen Grundlagen der armenischen Verbalflexion // *KZ*. Bd. 98. 1985.
- Schmitt-Brandt 1987 – *R. Schmitt-Brandt*. Aspekten im Indogermanischen? // *Journal of Indo-European Studies*. V. 15. 1987.
- Schwyzer 1939 – *E. Schwyzer*. Griechische Grammatik. München, 1939.
- Specht 1935 – *F. Specht*. Zur Geschichte der Verbalklasse auf $\bar{e}$ // *KZ*. Bd. 62. 1935.
- Stang 1942 – *Ch. Stang*. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.
- Streitberg 1894 – *W. Streitberg*. Die Entstehung der Dehnstufe // *IF*. Bd. 3. 1894.
- Szemérenyi 1985 – *O. Szemérenyi*. The origin of aspect in Indo-European languages // *Glotta*. V. 65. 1985.
- Vaillant 1966 – *A. Vaillant*. La grammaire comparée des langues slaves. V. III: Le verbe. Paris, 1966.
- Watkins 1962 – *C. Watkins*. The Indo-European origin of Celtic verb: The sigmatic aorist. Dublin, 1962.
- Watkins 1973 – *C. Watkins*. Hittite and Indo-European studies: Denominative statives in $-\bar{e}-$ // *Transactions of the philological society* 1971. Oxford, 1973.
- Weinrich 1964 – *H. Weinrich*. Tempus: Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.